Глава 4

ДЕНЕЖНАЯ ЭМИССИЯ: ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Основной источник формирования бюджетных средств

Эмиссия была основным источником формирования бюджета большинства антибольшевистских правительств гражданской войны. Поэтому историю денежной эмиссии можно считать историей их доходов. Хотя это очевидно, но исследований, посвященных данной научной проблеме, очень немного и в основной своей массе это статьи по нумизматике. В них акцент делается на внешний вид денежных знаков и лишь иногда рассматриваются обстоятельства их изготовления. В данном разделе внимание будет уделено экономическим аспектам эмиссии.

Под эмиссией следует понимать выпуск новых денежных знаков. К разновидности эмиссии относится и выпуск в обращение ценных бумаг в качестве средства платежа. При первом приближении очень сложно понять масштабы научной проблемы, связанной с историей эмиссии. Но она не сводится к вопросу о том, когда и сколько денег напечатала та или иная власть. Авторитет денежных знаков определяется многими факторами. Их печатание – дело не простое. До революции этим занимался специальный орган – Государственная экспедиция заготовления ценных бумаг. Она имела в своём распоряжении специальное оборудование и полиграфические материалы, позволявшие создавать денежные знаки высокого качества и со специальной защитой. Ценность денег подкреплялась не только золотым обеспечением, но и трудностью их подделки, а также тем, что Государственный банк – единственный эмитент денег в России – гарантирует их относительно устойчивую ценность. Даже когда в годы Первой мировой войны в стране стали ощущаться инфляционные процессы, а свободный размен бумажных денег на золото был приостановлен, эти гарантии оставались в силе в том смысле, что основной банк государства по-прежнему гарантировал регулирование этих процессов и единство экономического пространства страны.

За период с середины 1914 г. по 1 марта 1917 г. объём денежной массы вырос в 6,2 раза, к 1 ноября 1917 г. – в 12 раз, а к 1 января 1918 г. – в 17 раз. Но это была первая фаза инфляции, так как индекс цен за предреволюционный период войны возрос всего лишь на 207% (или на 197% по другим подсчетам). В новую фазу инфляции страна вступила в 1917 г.: рост денежной массы примерно в 2,7 раза сопровождался увеличением

цен в 4,27 раза[1]. Отныне эмиссия вызывала кратное увеличение цен и остановить выпуск новых денег стало практически невозможно. В этом состоянии в середине 1918 г. и разразился антибольшевистский мятеж на востоке страны.

17 июня 1918 г. Комуч позволил прием наравне с деньгами серий государственных займов[2]. 23 сентября в Поволжье было разрешено хождение Займа свободы и прочих государственных процентных бумаг со штемпелем Самарского отделения Государственного банка. На словах Комуч отверг возможность эмиссии собственных денег по соображениям хозяйственной целесообразности. Тем не менее, Е. Едидович совершенно справедливо отнес данную меру к эмиссионным шагам поволжского правительства[3]. Тем более, что речь шла не столько о ценных бумагах, находившихся на руках у населения, сколько о выпуске в обращение оставшихся нераспределенными листов государственных займов. Государственных ценных бумаг в Поволжских отделениях Государственного банка находилось достаточно много, что позволило Комучу иметь даже некоторый запас денег. Так, по отчетам управляющего Самарского отделения Государственного банка, на 23 августа 1918 г. банк имел в остатке свободных 97 626 000 руб. И это при том, что в предыдущий период расход банка в 3–6 раз превышал кассовые поступления[4]. И всё же это была лишь паллиативная мера борьбы с безденежьем – выпуск денежного суррогата на основе существовавших государственных ценных бумаг.

Собственные деньги Комуч выпустил чуть позже – между 23 сентября и 2 октября 1918 г. Сделано это было без законодательного утверждения. Более того, на выпущенных деньгах значилось место выпуска г. Уфа и время выпуска – 1 ноября 1918 г., что ввело коллекционеров в заблуждение[5]. До сих пор денежными знаками Комуча занимались исключительно бонисты, которые описывали внешние признаки данного исторического источника, но не старались уточнять объём эмиссии. По данным Главного управления Государственного банка Сибири, общее количество денег, выпущенных в обращение Комучем, составляло 273 млн руб.[6] Никакого обеспечения эти деньги не имели.

---

[1] Бокарев В.П. Рубль в эпоху воин и революций // Русский рубль: два века истории. М., 1994. С. 177–183; Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти (1917—1927). М., 1928. С. 72.

[2] Приказы Комитета членов Учредительного собрания. Самара, 1918. С. 21, 45–46; Самарские ведомости (Самара). 1918. 20 июня; Городской вестник (Самара). 1918. 20 июня.

[3] Едидович Л. Деньги Комуча. Самара, 2003. (Цит. по: http://www.bonistikaweb.ru/knigi/edidovich.htm)

[4] ГАРФ, ф. Р-4375, оп. 1, д. 13, л. 173.

[5] Едидович Л. Деньги Комуча.

[6] ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 2, л. 55–55об.

Возможность выпуска новых денежных знаков обсуждалась Временным Сибирским правительством уже в первые дни его существования. В июле 1918 г. Н.Д. Буяновский запросил информацию с мест о возможности и условиях печатания денежных знаков и получил положительный ответ 13 июля из Томска и 24 августа из Иркутска[7]. В начале осени 1918 г. при Министерстве финансов была образована Экспедиция заготовления государственных ценных бумаг.

19 сентября 1918 г. Административный совет постановил, что для устранения недостатка в мелких купюрах Государственному банку Сибири в качестве временной меры предоставляется право выпуска разменных казначейских знаков достоинством в 1, 3, 5, 10 руб. на общую сумму 50 млн руб. 1 октября 1918 г. Административный совет принял постановление о выпуске 5%-ных краткосрочных обязательств Государственного казначейства Сибири достоинством в 5000, 1000 и 500 руб. на сумму 100 млн руб. сроком на один год. Через 11 дней Административный совет разрешил Государственному банку дополнительный выпуск казначейских знаков на сумму 100 млн руб. На этот раз предполагались купюры достоинством в 50, 25, 20, 10, 5, 3 и 1 руб. Государственному казначейству также разрешался дополнительный выпуск краткосрочных обязательств ещё на 200 млн руб. Это постановление предусматривало помимо купюр прежнего достоинства ещё выпуск сторублёвой банкноты[8].

Правда, это был не настоящий государственный заем. Условия государственного займа предусматривали, что купившие обязательства граждане внесут в Государственный банк наличные деньги на сумму купленных обязательств за вычетом процентов, а по истечении срока займа государство должно будет вернуть деньги их владельцам с начислением процентов. Последним настоящим государственным займом был Заем свободы. Временное правительство действительно развернуло широкую агитационную кампанию по размещению этого займа и распространило его среди обеспеченных слоев населения, но сделало это с большим трудом и не в полном объеме. Еще царское правительство стало выпускать отпечатанные обязательства в обращение, обещая их оплату в будущем. Фактически такого рода краткосрочные обязательства являлись прикрытием обыкновенной эмиссии. Именно такие обязательства стало выпускать Временное сибирское правительство.

Для организации печатания денег в начале сентября 1918 г. в Иркутск и Владивосток был командирован директор общей канцелярии Министерства финансов Н.Н. Карамзинский. В течение сентября–октября 1918 г. предпринятые им попытки организовать печатание купюр срывались из-за

---

[7] Там же, оп. 1, д. 35, л. 1, 7–7об.; ГАИО, ф. Р-2, оп. 1, д. 103, л. 15.
[8] СУР ВСП. № 15. Ст. 128. 136; № 16. Ст. 144, 145.

отсутствия хорошей бумаги, краски или печатного оборудования[9]. В конечном счете было решено начать выпуск денежных знаков низкого качества в типографиях Иркутска и Омска и одновременно заняться поисками необходимых для улучшения качества печати оборудования и материалов. С этой целью в начале ноября в Японию был послан полковник Крамоpенко[10]. 31 октября 1918 г. в Иркутске, в типографии военно-топографического отдела, была отпечатана первая партия сибирских казначейских знаков. В Омске первые краткосрочные обязательства были изготовлены в ноябре, в Екатеринбурге – в декабре[11].

Но загрузить мощности имевшихся типографий не смогли. Иркутская типография начала работу с шестидневным запасом расходных материалов. Типографии постоянно испытывали дефицит средств для оплаты текущих расходов, недостаток краски и бумаги, которая ввозилась частями из Японии[12]. Поэтому ожидаемого улучшения состояния денежного рынка не последовало. По официальным данным, эмиссия в октябре 1918 г. составила 8 млн руб. и покрыла 4,2% месячных расходов. В ноябре объем выпуска равнялся уже 33 млн руб., или 9,9% от государственных расходов.

Беда в том, что ограниченное в своих технических возможностях Министерство финансов торопилось расплатиться с долгами и печатало «сибирские деньги» преимущественно в крупных купюрах – тысячных и пятитысячных. Такой подход только обострял ситуацию. Основная часть эмиссии пошла на погашение долгов по зарплате за предыдущие месяцы. Администрация предприятий вынуждена была выдавать заработную плату одной пятитысячной купюрой на 10–20 человек[13]. У кредитных учреждений и торговых предприятий возникали проблемы при приеме денег. В качестве временной меры использовали выдачу вместо денег чеков местных отделений Государственного банка. Даже налоговые органы не могли принять платежи от населения из-за отсутствия размена. Естественно, это приводило к протестам рабочих и служащих[14]. Местная пресса и делопроизводство казначейств изобилуют свидетельствами того, что в конце лета – осенью 1918 г. сибирский денежный рынок испытывал жесточайший дефицит мелких денег для размена. Хотя казенные палаты рассылали в уездные казначейства разменную монету и мелкие купюры, они оседали в карманах обывателей, и проблема оставалась нерешенной. Работники винных лавок и артельщики сельских кооперативов использовали денеж-

---

[9] ГАРФ, ф. Р-198, оп. 1, д. 35, л. 11–17, 34; ГАИО, ф. Р-2, оп. 1, д. 103, л. 15.
[10] ГАРФ, ф. Р-198, оп. 1, д. 35, л. 41–43, 66.
[11] Там же, л. 49, 66, 77; ГАИО, ф. Р-2, оп. 1, д. 103, л. 71.
[12] ГАРФ, ф. Р-198, оп. 1, д. 35, л. 44–46, 66–67, 123–123; ф. Р-197, оп. 5, д. 99. л. 319–320.
[13] ГАТО, ф. Р-1362, оп. 1, д. 51, л. 256–259; ф. 149, оп. 1, д. 560, л. 381–381об.
[14] ГАРФ, ф. 198, оп. 1, д. 43, л. 1–27; ГАТО, ф. Р-1362, оп. 1, д. 51, л. 260; ГАИО, ф. Р-2. оп. 1, д. 103, л. 51; Русская речь (Новониколаевск). 1918. 13 дек.

ный кризис для мошеннического обогащения. Собрав выручку мелкими деньгами, они за мзду меняли их на крупные купюры, которые потом сдавали в казначейство или кассу союза в качестве авансов за товары[15]. Предпринимались необычные меры преодоления денежного кризиса. Например, запретили списывать ветхие купюры. Кассы железных дорог прекратили размен денег, требуя вносить точно стоимость товаров и услуг без сдачи. Спиртное стали продавать только за мелкую разменную монету, используя винные лавки как источник получения «мелочи» [16]. Подчас власть действовала на грани мародерства. В Иркутске губернский комиссар П.Д. Яковлев в июле 1918 г. приказал найденные по время обысков мелкие деньги принудительно обменивать на крупные[17]. Некоторые учреждения (земства, кооперативы и т.д.) предписали собиравшиеся в мелких знаках поступления разменивать на крупные купюры и только их сдавать в казначейства[18]. Несколько снизив остроту дефицита разменных знаков для себя, они дополнительно «закупоривали» и так плохо работавшую циркуляцию мелких денег и тем самым в перспективе ещё более усугубляли ситуацию.

Получилось, что Временное сибирское правительство выпустило в оборот купюры неходовых номиналов, т.е. заведомо неликвидные деньги. Причем, в самом Министерстве финансов отлично понимали нужды денежного рынка и, запрашивая у Административного совета право на эмиссию, заявляли, что предпочтительнее печатать именно мелкие купюры, но технически эта задача оказалась пока невыполнима[19].

Естественно, рынок быстро среагировал на просчеты правительства. Сибирские деньги стали непопулярны, их можно было разменять только у спекулянтов, получив за них романовские или «керенки» по более высокому курсу. До деревни, торговавшей с городом продовольствием, они почти не доходили. Зато в обмен на продукты в деревню направлялся поток мелких, наиболее ликвидных купюр, оседая в крестьянских «кубышках» и «чулках». Известно, что рынок стремится к установлению цен, соответствующих наиболее распространенным в обращении купюрам. Поэтому дефицит мелких денежных знаков стимулировал рост цен. К тому же сибирские деньги долгое время не поступали на периферию. Царивший в отдаленных регионах острый денежный голод по-прежнему приводил к сокращению товарооборота, приостановке платежей кредитными

---

[15] Народное дело (Красноярск). 1919. № 2–3. С. 24.
[16] ГАТО, ф. 149, оп. 1, д. 560, л. 235–340; Ишимская жизнь (Ишим). 1919. 24 янв.; Русская речь. 1918. 29 окт.
[17] ГАИО, ф. Р-2, оп. 1, д. 103, л. 5.
[18] ГАТ, ф. И-745, оп. 1, д. 3, л. 10.
[19] ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 2, л. 5–6.

учреждениями, в том числе и государственными, спекуляции на обмене денежных знаков различного образца[20].

Эмиссия не «разморозила» финансовые потоки. Усилия по организации печатанья денег принимались с большим опозданием, возлагались на людей, не обладавших необходимой властью и полномочиями. Накопившиеся проблемы денежного дефицита стали предметом обсуждения на заседаниях Чрезвычайного Государственного экономического совещания 22 декабря 1918 г. и 26 января 1919 г.[21] В ответ на справедливые упреки в неспособности организовать выпуск мелких денежных знаков в достаточном количестве А.И. Михайлову удалось убедить совещание, что все недостатки в работе Экспедиции заготовления ценных бумаг уже исправлены, и денежный кризис вот-вот будет преодолен. Как отмечал Г.К. Гинс, «сражение с министром финансов было проиграно»[22]. Зато И.А. Михайлов, помня, что из-за дефицита денежных знаков он чуть было не лишился своего поста, продолжал рапортовать во всех отчетах и интервью о том, что денежный кризис окончательно преодолен. Эти заявления явно искажали действительное положение дел. Из реальных мер по преодолению денежного кризиса была предпринята только одна – в САСШ был отправлен заказ на изготовление 10 млн 50-копеечных купюр, которые American Banknote C° обязалась изготовить в течение января–марта 1919 г.[23]

Существовала ли у Временного сибирского и Российского правительств возможность реально обеспечить свой денежный знак? Сегодня не только в сознании рядовых российских граждан, но и профессиональных историков прочно утвердилось мнение, что «золотой запас» стал материальной основой существования колчаковского режима.

Обстоятельства, при которых значительная часть «золотого запаса» оказалась в руках Колчака, хорошо известны. 7 августа 1918 г. отряды В.О. Каппеля захватили в Казани эвакуированное туда во время Первой мировой войны золото Государственного банка. По распоряжению Комуча золото без всякого учета перевезли сначала в Самару[24], а затем в Уфу и Челябинск. Любопытно, что 13 сентября Административный совет утвердил предложенный своим военным министром текст ультимативного

---

[20] Уфимская жизнь (Уфа). 1918. 3 нояб.

[21] ГАРФ, ф. Р-190, оп. 1, д. 86, л. 148–153, л. 315–323.

[22] Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Впечатления и мысли очевидца. Пекин, 1921. Т. 1. С. 120.

[23] ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 10а, л. 39.

[24] В Казани золото из здания Государственного банка в спешке переносили в трамвайные вагоны солдаты, по рельсам доставляли к пристани, перегружали на пароход «Фельдмаршал Суворов». Но уже тогда начался учет рассыпанного золота. Мемуаристы не допускают мысли, что солдаты белой армии могли «прикарманить» себе хоть что-нибудь, легко предполагая мелкие хищения золота отступавшими большевиками. — См: Вырыпаев В. Каппелевцы // 1918 год на востоке России. М., 2003. С. 69–70.

предложения Комучу вывезти «золотой запас» из Самары в более безопасное место. Его должны были довести до сведения адресата делегаты Временного сибирского правительства на Уфимском государственном совещании в сентябре 1918 г.[25] В ответ члены Комуча 16 сентября 1918 г. предписали эвакуацию ценностей Самарского отделения Государственного банка (включавших золотой запас) не далее Уфы[26]. После ликвидации Комуча, в ноябре 1918 г., «казанский груз» был перевезен в Омск и поступил в хранилища Государственного банка[27]. Информация о том, что Комуч вынужден был отдать чехословацким легионерам по их требованию 900 000 зол. руб. в уплату за службу, часто встречается в литературе[28], но не находит подтверждения в документах Государственного банка по казанской части «золотого запаса»[29]. Столь же мифичными кажутся и сведения о том, что Совет управляющих ведомствами Комуча незадолго перед отправкой золота из Уфы изъял неизвестную сумму денег, из которых 3 млн руб. выделили для работы Съезда учредительного собрания[30].

Использование золота для оплаты своего внутреннего долга и укрепления финансов могло благотворно повлиять на экономическую ситуацию. Но для этого нужен был выбор иных приоритетов экономической политики и политическая воля для того, чтобы их придерживаться. Колчак ограничил задачи своего правительства только ведением вооруженной борьбы с большевиками и текущим гражданским управлением. «Непредрешение» основных вопросов политического устройства и экономической жизни было распространено и на золотой запас. Вопрос о его использовании должно было решать Национальное собрание, созыв которого откладывался до окончательной победы над большевиками. Пока же романовское золото было заперто в хранилищах Омского отделения Государственного банка, и «временная» государственная власть делала вид, что для нее этих ценностей не существует. Намерение проявить политическое

---

[25] ГАРФ, ф. Р-131, оп. 1, д. 103, л. 13–13об.

[26] Там же, ф. Р-670, оп. 1, д. 1, л. 65.

[27] Там же, ф. Р-176, оп. 4, д. 33, л. 284; Гутман (Ган) А. Россия и большевизм. 1914—1920. Шанхай, 1921. Ч. 1. С. 256–257.

[28] Латышев И. Как Япония похитила русское золото. М., 1996. С. 16; Сироткин В. Зарубежное золото России. М., 1999. С. 71; Петров С. Сколько российского золота оказалось за границей в 1914—1920 гг. // Дипломатический ежегодник. М., 1995. С. 245, 251; Масарский М., Сироткин В. Вернется ли в Россию дореволюционное золото // Там же. С. 217. Ссылка на крайне недостоверную и пристрастную публикацию В.М. Зензинова «Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 года». Сборник документов. Париж, 1919 и некую неназванную публикацию в ЧССР и СССР.

[29] РГАЭ, ф. Р-2324, оп. 16, д. 47, л. 5–63; д. 53, л. 174–175об.

[30] Плотников И.Ф. Гибель Всероссийского учредительного собрания. Трагические события на Урале и в Сибири. 1918 г. (Очерки истории Урала. Вып. 13). Екатеринбург, 2002. С. 25. Автор дает ссылку на книгу Е.Е. Колосова «Сибирь при Колчаке», в которой эти сведения отсутствуют.

благородство у лидеров белого движения взяло верх над политическим реализмом.

Со взглядами Верховного правителя вполне согласовывалась позиция Министерства финансов и МИД, руководство которых считало, что стабилизировать финансовое положение возможно и без использования золотого запаса. Начиная с осени 1918 г. и до осени 1919 г., сначала Временное Сибирское правительство, а затем Российское правительство адмирала А.В. Колчака связывали надежды на улучшение своего финансового положения с дипломатическим признанием со стороны союзников. Оно давало им право претендовать на купюры из САСШ, отпечатанные там еще по заказу правительства Г.Е. Львова. По мере их получения предполагалось осуществить замену множества денежных знаков, обращавшихся на рынке, на деньги американского образца.

Иностранная финансовая помощь – призрак, маячивший вдали

В советской историографии тема финансовой помощи Колчаку со стороны союзников нашла отражение в большинстве произведений о гражданской войне. В силу своего негативного характера по отношению к контрреволюции прекрасно уживались вместе два противоположных тезиса. С одной стороны, утверждалось, что антикоммунизм лидеров Антанты заставлял непрерывно расширять поддержку лидерам белого движения, не скупясь на средства. С другой стороны, постоянно подчеркивалось, что за все получаемое из-за границы Колчак расплачивался со своими «хозяевами» – интервентами золотом или сырьём, причем требования союзников были чрезмерно высоки[31]. Особенно большой вклад в обоснование этих идей внесли работы С.Г. Лившица и М.И. Светачева[32].

---

[31] Беляев Б. Крах американской агрессии в Сибири в 1918—1920 гг. Новосибирск, 1952. С. 25; Геронимус А.И. Помощь Соединенных Штатов Америки Колчаку // Исторические записки. 1949. № 29. С. 43–44; Гулыга А., Геронимус А. Крах антисоветской интервенции США. М., 1952. С. 151–152; Григорцевич С.С. Американская и японская интервенция на советском Дальнем Востоке и ее разгром. М., 1957. С. 30–33;. Мельчин А.И. Американская интервенция на советском Дальнем Востоке. М., 1951. С. 35–36; и др.

[32] Лившиц С.Г. Оптом и в розницу. Как Колчак торговал сибирской землей // Алтай. 1967. № 2. С. 133–147; Он же. Империалистическая интервенция в Сибири в 1918—1920 гг. Барнаул, 1979. С. 33, 63–75; Он же. Политика Японии в Сибири. 1918—1920. Барнаул, 1991. С. 66–73; Светачев М.И. Экономическая экспансия империалистических держав на советском Дальнем Востоке. Автореф. … дис. канд. ист. наук. М., 1963. С. 9–17; Он же. Экономическое проникновение и соперничество империалистических держав на советском Дальнем Востоке в 1918—1919 гг. // Уч. зап. Хабаровского гос. пед. ин-та № 205. Хабаровск, 1964. С. 55–118; Он же. Империалистическая политика «помощи» и ее роль в антисоветской интервенции в Сибири в 1918—1919 гг. // Вопросы истории Дальнего Востока. Хабаровск, 1972. Вып. 2. С. 3–42; Он же. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.). Новосибирск, 1983. С. 165–170; Он же. Сибирь, Антанта и политика помощи «белым» // Дальний Восток в период революции 1917 года и гражданской войны. Владивосток, 1998. С. 248–266.

Впервые вопрос об иностранной финансовой помощи антибольшевистскому движению востока России был поднят еще Временным правительством автономной Сибири. В начале августа советник МИД дерберовского правительства Д.Ф. Оржешко обратился к американскому консулу Э.Р. Моррису с просьбой о выдаче его правительству займа. Э.Р. Моррис просил уточнить предполагаемые условия займа и гарантии возвращения и выразил уверенность, что САСШ смогут возобновить доставку в Россию материалов, уже заказанных при Временном правительстве[33]. Во время поездки председателя Совета министров Временного сибирского правительства П.В. Вологодского по Дальнему Востоку он тоже поднимал вопрос о выделении финансовой помощи. Шансы П.В. Вологодского увеличило появление во Владивостоке экс-председателя Совета министров Временного правительства кн. Г.Е. Львова. Именно он в 1917 г. сделал в САСШ крупный заказ на печатание для России денежных знаков нового образца. «Челночная дипломатия» экс-премьера была поддержана Временным сибирским правительством, выделившим средства и возложившим на князя полномочия по ведению переговоров с иностранными представителями[34]. Г.Е. Львов добился, чтобы глава британской военной миссии А. Нокс и высокий комиссар Франции М. Реньо написали своим правительствам представления о необходимости выделения Омску аванса в 15 млн руб.[35] В ноябре 1918 г. Г.Е. Львов продолжил свою деятельность по организации экономической помощи Омску уже в Вашингтоне[36]. От Михайлова он получил задание добиться в Нью-Йорке кредита в сто миллионов[37]. Однако появившуюся в дальневосточной печати информацию о том, что САСШ уже предоставили Омску заем в $5 млн, американские дипломатические источники категорически опровергали[38].

Необходимым условием «размораживания» всех американских кредитов России и передачи русским выполненных заказов, в том числе и отпечатанных купюр, было появление в России несомненного правопреемника Временного правительства. С образованием Директории проблема казалась решенной. 7 октября 1918 г. российский посол в САСШ Б.А. Бахметьев поднял вопрос[39], а уже 4 ноября 1918 г. американский финансовый атташе сообщил Российскому министру финансов, что два парохода с 70 млн купюр на общую сумму 3 млрд 325 млн руб. уже готовы к отправ-

---

[33] Временное правительство автономной Сибири // Красный архив. 1929. Т. 4(34). С. 93.
[34] Полнер Т.И. Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова. М., 2001. С. 386.
[35] Papers Relating to the Foreign Relations of the United States (Далее FRUS). 1918. Russia. Vol. II. Washington, 1932. P. 405.
[36] Колчак и интервенция на Дальнем Востоке. Документы и материалы. Владивосток, 1995. С. 35.
[37] ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 154, л. 55.
[38] FRUS. Vol. II. Washington. 1932. P. 453, 460.
[39] Там же. Vol. III. P. 75.

ке, а в конце января 1919 г. будут отправлены остальные 14 млн купюр (их сумма в источнике не уточняется)[40]. Исследователь О. Парамонов приводит другие сведения. По его данным, пароходы с купюрами имели на своем борту знаков на 3,9 млрд руб. (т.е. всю отпечатанную в Америке партию. — В.Р.). Общая же сумма заказанных денежных знаков вместе с ещё не перевезенными из Сан-Франциско составила 12,3 млрд руб.[41] И.С. Шиканова со ссылкой на документы Архива внешней политики России приводит сумму 2 млрд 375 млн руб.[42] Разнобой в приводимых исследователями данных объясним. Во-первых, ситуация быстро менялась, и в источниках разного времени приводятся сведения, сильно отличавшиеся друг от друга. Во-вторых, в самих архивных источниках даже одного и того же времени может попадаться разная, порой противоречащая друг другу информация. Назрела необходимость разобраться, наконец, в истинной картине.

Государственный переворот 18 ноября 1918 г. ухудшил позиции антибольшевистского движения на международной арене, чем осложнил вопрос об американских купюрах. Правда, этого не почувствовали российские дипломатические представители. По сообщению Г.Е. Львова 1 декабря 1918 г. из Вашингтона, несмотря на то, что из отпущенных в 1917 г. $600 млн Россия израсходовала только треть, правительство САСШ отпуск остальной части кредитов после большевистского переворота прекратила, сделанные посольством заказы аннулировало. Но, по уверению Г.Е. Львова, ему удалось добиться высылки в Сибирь оружия, оборудования и, самое главное, кредитных билетов, отпечатанных по его заказу для России[43]. Бравада Г.Е. Львова опережала события. На самом деле, союзники, хотя и поддерживали правительство адмирала А.В. Колчака в деле борьбы с большевиками, не пожелали признать его права на общероссийское правление. Более того, декларация Российского правительства от 21 ноября 1918 г. о принятии всех денежных обязательств царского и

---

[40] ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 9, л. 35–36.

[41] Парамонов О. Американские полтинники // Родина. 1998. № 9. С. 74. Впрочем, насколько точен автор этой статьи, судить трудно. Упомянув, что черпает информацию из архивных документов, О. Парамонов дает отсылки только на опубликованные источники, к тому же его статья содержит фактические ошибки. Так, Российское правительство никогда не было официально признано союзниками, как утверждает автор статьи, иркутская Экспедиция заготовления государственных бумаг была создана не в 1919 г, а осенью 1918 г. Автор сам не может разобраться, когда же пароходы с деньгами прибыли в российский порт, сначала указав правильную дату – 23 декабря, в соседнем абзаце он утверждает, что к 1 ноября деньги уже были во Владивостоке.

[42] Шиканова И.С. Русские денежные знаки, отпечатанные в США (1917—1920 гг.) // Новейшие исследования в области нумизматики. Труды Государственного исторического музея. М., 1998. Вып. 98. Ч. XIII. С. 153.

[43] Субботовский И. Союзники, русские реакционеры и интервенция. Л., 1926. С. 93.

Временного правительств[44] не была подкреплена реальными делами. Обещание И.А. Михайлова, сделанное, кстати, специально для иностранных средств массовой информации, о выделении в следующем, 1919 г., 58 832 843 зол руб. в погашение процентов по внешнему долгу[45] оказалось чистым блефом. Вопреки ожиданиям российской стороны, оно произвело на союзников скорее негативное впечатление, тем более, что шло в разрез с просьбами посольств предоставить новую отсрочку уплаты российского долга[46]. В конце 1918 г. Российское правительство отказалось от проплаты в срок очередных процентов по внешним долгам, хотя международному сообществу было известно, что романовское золото позволяло это сделать. Отсутствие у Российского правительства дипломатического признания усугубилось недоверием к его финансовым обещаниям.

Не иначе, как фантастическими следует признать утверждения Ю.Н. Ципкина, что САСШ разморозили активы царской России и Временного правительства и разрешили Колчаку использовать 109,3 млн долларов, замороженных после прихода к власти большевиков[47]. Хотя правдой является то, что Б.А. Бахметьев до лета 1919 г. верил, что ему удастся убедить американское правительство сделать это[48].

Не имеет никаких оснований утверждение М.И. Светачева и Ю.Н. Ципкина о том, что американцы якобы сами намеревались передать деньги в Россию и тем самым создать условия для финансового закабаления Сибири. Исследователь полагает, что это намерение натолкнулось на противодействие союзников по Антанте, не пожелавших уступать американцам контроль над сибирским и дальневосточным регионами[49]. Едва ли передача денег на первоначальных условиях могла привести к закабалению державой, в которой отпечатаны деньги. Ведь САСШ не несли никаких гарантий обеспечения своих денежных знаков, как, например, сделали англичане в отношении денег, отпечатанных в Великобритании для Северной области («николаевки»)[50].

---

[44] Правительственный вестник. 1918. 24 нояб.; Законодательная деятельность Российского правительства адмирала Колчака (ноябрь 1918 – январь 1920 г.). Томск, 2002. Вып. I. С. 28.

[45] ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 185, л. 47.

[46] FRUS. Vol. III. P. 49–53.

[47] Ципкин Ю.Н. Еще раз о судьбе «белогвардейского» золота // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.). Хабаровск, 1999. С. 98.

[48] «Совершенно лично и доверительно!» Б.А. Бахметьев – В.А. Маклаков. Переписка. 1919—1951. Т. 1: Август 1919 – сентябрь 1921. М.; Стэндфорд, 2001. С. 117.

[49] Светачев М.И. Империалистическая интервенция… С. 137–138; Ципкин Ю.Н. Антибольшевистское движение на Дальнем Востоке в период гражданской войны (1917—1922). Хабаровск, 2003. С. 101.

[50] См.: FRUS. V. II. P. 58–59, 67–68, 70–71, Голдин В.И. Интервенция и антибольшевистское движение на русском Севере. 1918—1920 гг. М. 1993. С. 105–106; Овсянкин Е.И. Денежные знаки Северной России. 1918—1923 гг. Архангельск, 1995. С. 13–17; Шиканова И.С. К вопросу о денежной реформе в Северной России (1918—1920 гг.) // Нумизматический сборник. Часть XIV. Труды Государственного исторического музея. М., 2001. Вып. 115. С. 296–317.

В конце 1918 г. американские власти приказали своим представителям на Дальнем Востоке не отдавать деньги в распоряжение Российского правительства. Прибывшие во Владивосток пароходы с денежными знаками, простояв без разгрузки несколько дней, взяли курс на Филиппины, потом отправились в Иокогаму. Более того, 11 января 1919 г. у российского представителя в Сан-Франциско была отобрана лицензия на вывоз оставшихся денежных знаков, погрузка ящиков с купюрами приостановлена[51]. В мае 1919 г. денежные купюры на сумму 1450 млн руб. из Иокогамы были перевезены на американский военный склад во Владивостоке, но передачу их русской стороне опять задержали. Американская сторона потребовала дополнительного штемпелевания, подтверждающего, что всю ответственность за выпуск в обращение этих денег берет на себя «омское» правительство[52]. Американцы упорно отказывали ему в праве называться Российским. Замечание Дж.Д. Смила, что это формальное препятствие было главным, подтверждается документально[53]. На это же основание указывали представители Англии и Франции. Но даже когда французы сняли свои претензии, американцы продолжали препятствовать передаче денег России. Более того, отказывая омскому Государственному банку в праве на эмиссию, САСШ соглашались выдать деньги только для проведения их обмена на местные денежные знаки и «керенки», почему настаивало на передаче Омску только 500 млн руб. [54] Уже в марте 1919 г. Российское правительство договорилось с американцами о передаче представителями Соединенных штатов купюр не во Владивостоке, а в Омске. Предполагалось, что в сибирскую столицу денежные знаки прибудут под американским контролем. Причем назывались постоянно разные суммы и сроки передачи банкнот российской стороне[55]. Однако решение вопроса так и не сдвинулось с места до конца сентября, когда местным властям Дальнего Востока из привезенных денег передали 50-копеечные банкноты. 17 сентября во Владивостоке приступили, наконец, к отгрифовке американских купюр, но они должны были поступить только в полосу отчуждения КВЖД. Передача 25-ти и 100-рублевых купюр задерживалась на этот раз неуплатой по новым контрактам на изготовление банкнот. В конце осени 1919 г. они уже не могли помочь Российскому правительству[56].

---

[51] ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 9, л. 32; д. 10а, л. 74; ф. Р-200, оп. 1, д. 133, л. 50, 61; д. 134, л. 3–3об.; FRUS. III. P. 97–98, 101; Smile J.D. Civil War in Siberia… P. 414;

[52] ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 133, л. 84; ф. Р-198, оп. 6, д. 10а, л. 76, 143.

[53]Там же, д. 187, л. 15; см.: Smile J.D. Civil War in Siberia… P. 413.

[54] ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 10а, л. 116, 143; ф. Р-200, оп. 1, д. 133, л. 11, 122, 147; д. 529, л. 42, 61, 644; Внешняя политика контрреволюционных правительств в 1919 г. // Красный архив. 1929. Т. 6(37). С. 96.

[55] ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 9, л. 129; д. 10а, л. 16; ф. Р-200, оп. 1, д. 133, л. 122.

[56] Там же, ф. Р-198, оп. 6, д. 10а, л. 8, 12, 14, 180; д. 18, л. 16; д. 29а, л. 25–28; Колчак и интервенция на Дальнем Востоке. Владивосток, 1995. С. 143.

Часть денег, перевезенная в Иркутск, была отгрифована там, но поступила в обращение уже во времена существования ДВР. Другая часть была выпущена в обращение Приморской областной земской управой[57].

Конечно, отпечатанные в Америке деньги не имели никакого реального обеспечения. Однако их передача Российскому правительству облегчила бы его финансовое положение. Эти денежные знаки были высокого качества, и их хватило бы для выплаты всего текущего внутреннего государственного долга и замены ими государственных кредитных билетов и многочисленных денежных суррогатов местного хождения. Купюры не были своевременно переданы Российскому правительству в силу как политической наивности и близорукости российских политиков, так и непоследовательности союзных держав в деле поддержки колчаковского режима. Американцы не отказывались от передачи денег, но и не называли точных сроков, когда готовы будут это сделать. Взаимное непонимание между российским финансовым ведомством и союзниками оказалось роковым для кредитно-денежной политики Российского правительства. Оно постоянно находилось в ожидании, что деньги будут переданы со дня на день. В зависимость от получения американских денежных знаков ставилась вся дальнейшая финансовая политика.

Несмотря на столь неблагоприятную внешнеполитическую конъюнктуру, в конце 1918 г. в недрах колчаковского Министерства финансов возник ряд проектов по стабилизации финансового положения за счет союзников. Вопрос этот волновал и общественность, поэтому сибирские экономисты публично и приватно высказывали свои предположения об укреплении денежной единицы. Единственная на сегодняшний день попытка проанализировать данные проекты предпринята в статье С.С. Ипполитова[58]. Он же осуществил публикацию ряда документов, связанных с идеей финансовых реформ[59]. Статья содержит ряд важных наблюдений. В частности, в ней верно отмечено, что большинство авторов, составляя свои проекты, базировалось на представлениях классической экономики, исходило из того, что природные богатства Сибири сами по себе являются достаточным обеспечением национальной валюты[60]. Для инфляционной кредитно-денежной системы и кризисной экономики такие основания

---

[57] Погребецкий А.И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока в период войны и революции. С. 282; Парамонов О. Американские полтинники. С. 75; Нестеренко Ю. С привкусом партизанщины. Деньги. Банки. Золото ДВК. 1917—1925. Чита, 1999. С. 27–28; Наше денежное обращение. Сб. материалов по истории денежного обращения в 1914—1925 гг. М., 1926. С. 280.

[58] Ипполитов С.С. Финансовая интервенция в белую Россию // Гражданская война в России (1917—1922 гг.). М., 2002. С. 177–193.

[59] Белый восток: политика и финансы / публ. Ипполитова С.С. (Цит. по: http://www.antibr.ru/reader/ah_vostfin_ksd.html). Важнейшие документы публикатор привел в извлечениях, поэтому возникает необходимость обращаться к их архивным оригиналам.

[60] Ипполитов С.С. Финансовая интервенция в белую Россию… С. 181.

оказались ложными, поэтому предлагаемые меры имели характер прожектерства. Однако в целом с концепцией С.С. Ипполитова трудно согласиться. Он полагает, что проекты финансовой стабилизации были составлены государственными и общественными деятелями и попали в правительство с подачи союзников. Державы согласия имели корыстную цель убедить правительство передать контроль над эмиссией иностранным державам, что помогло бы им закабалить Россию и вернуть военные долги. Применительно к проанализированным в статье С.С. Ипполитова и опубликованным им же проектам И.К. Окулича и С.А. Угета, имевшим якобы ключевое значение, очевидно это не более чем авторский домысел. Союзникам не было никакого резона влиять на Российское правительство через И.К. Окулича, да и сам его проект оставляет впечатление крайне несерьезного документа[61]. К тому же в архивах встречаются и категорические возражения на указанные проекты стабилизации российских финансов[62], которые составитель не включил в свою публикацию, видимо, чтобы не нарушать ими выстроенную им концепцию. Иностранные дипломаты давали свои рекомендации напрямую, о чем С.С. Ипполитов не упомянул, хотя это видно из опубликованных документов и давно известно советским исследователям[63]. Нужно отметить, что тезис С.С. Ипполитова вообще воспроизводит советскую историографическую традицию, в соответствии с которой российская буржуазия и созданные ею правительства являлись лишь марионетками – выразителями корыстных интересов интервентов[64].

В действительности проектов по стабилизации российских финансов было гораздо больше, чем приведено в публикации С.С. Ипполитова. Первые из них появились ещё летом 1918 г. В целом они намечали три основных пути обеспечения эмиссии – золотой эквивалент (В.П. Аничков, В.И. Новицкий, более ранний, от декабря 1918 г., проект А.И. Путилова), товарный эквивалент (В.И. Новицкий, январь 1919 г., Б.Э. Торгуд, июль 1919 г.), обеспечение под иностранный кредит (И.К. Окулич, август

---

[61] Белый восток: политика и финансы. Это, правда, не помешало Министру финансов назначить И.К. Окулича в начале 1919 г. особоуполномоченным Российского правительства по финансовым делам в САСШ, Великобритании и Франции. — ГАРФ, ф. Р-176, оп. 1, д. 142, л. 159.

[62] ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 185, л. 27–29; д. 187, л. 7–10об.

[63] FRUS… Vol. III. P. 72–78; Светачев М.И. Американская политика помощи и ее роль в антисоветской интервенции в Сибири (1918—1919 гг.) // К 50-летию освобождения Сибири от колчаковщины. Томск, 1970. С. 36–42; Он же. Империалистическая интервенция… С. 136–138; Он же. Сибирь и Дальний Восток в контрреволюционных планах Антанты и США (ноябрь 1917 – ноябрь 1918 г.) // Исторические записки. М., 1979. Т. 103; Соскин В.Л. Крах мирной интервенции. (1918—1919 гг.) // 50 лет освобождения Забайкалья от белогвардейцев и интервентов. Чита, 1972. С. 198–206.

[64] См., например: Чучин Ф. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке // Пролетарская революция. 1930. № 11. С. 24–26.

1918 г., А.И. Путилов, май 1919 г.)[65]. Последний вариант казался наиболее приемлемым. Но здесь главным вопросом оказалось обеспечение предполагавшегося займа. Важно также отметить, что некоторые чиновники Министерства финансов и МИД (И.А. Осседновский, В.И. Новицкий), экономисты и общественные деятели в России и в эмиграции (Н.П. Огановский, В.Д. Набоков) прекрасно осознавали, что единственный путь укрепления рубля – дать немедленно реальные гарантии его обеспечения в виде покупки валюты на золото или передачи части российских недр в концессию иностранцам. Реализм не оставлял места для патриотических сентенций. Если у России нет в настоящее время фондовых ценностей, их можно получить только в обмен на недра, предприятия[66]. Однако финансовый курс в тот момент определяли другие люди, исходившие из того, что помощь России – это долг наших союзников, и оптимистично оценивавшие как внутриэкономическое положение, так и изменения международной обстановки, связанные с окончанием Первой мировой войны. Поэтому МИД обратилось к союзникам с просьбой о предоставлении нового валютного займа с целью стабилизировать рубль. Запрос включал в себя: 1) 40 млн руб. на покрытие расходов на содержание чехословацких войск; 2) 40 млн руб. на содержание Российской армии; 3) 25 млн руб. для осуществления сахарной монополии; 4) возобновление всех кредитов, открытых царскому и Временному правительствам и закрытых после большевистского переворота. В качестве гарантии обеспечения выступало улучшение финансового положения на востоке России и российское сырье (само по себе, а не возможность его эксплуатации иностранными государствами). Любая эмиссия денежных знаков на российской территории должна контролироваться Министерством финансов. Варианты частичного иностранного контроля за эмиссией, предлагавшиеся французскими и американскими дипломатами, отвергались[67].

---

[65] ГАРФ, ф. Р-197, оп. 5, д. 36, л. 1; ф. Р-197, оп. 5, д. 46, л. 6, 7; ф. Р-198, оп. 6, д. 17, л. 4–9, 12–19; д. 29а, л. 5–8; ф. Р-200, оп. 1, д. 174; л. 10–25, 41–43об.; д. 185, л. 16–22об.; д. 187, л. 28–35 (автор не располагает текстом декабрьского 1918 г. проекта А.И. Путилова, а только отзывам на него В.А. Каменки); д. 202, л. 11–14; Белый восток: политика и финансы; Торгуд Б.Э. К вопросу о денежной реформе // Вестник финансов, промышленности и торговли (Омск). 1919. № 15. С. 1–10; Субботовский И. Союзники, русские реакционеры… С. 234–239.

[66] ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 185, л. 12; д. 233, л. 12–18; Николаев А.А. Проблема сибирского регионализма: из неопубликованных экономических работ Н.П. Огановского // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Отечественная история. 1998. № 2. С. 65; Шмелев А.В. Внешняя политика правительства адмирала А.В. Колчака. 1918—1919 гг. Дис. … канд. ист. наук. М., 1995. С. 171.

[67] ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 134, л. 56; д. 185, 1–1об.; 11–11об., 43–45, 60; д. 187, л. 12–13, 35–36. Выдержки из этого документа в другой архивной копии приводит О.В. Будницкий (См.: Будницкий О.В. Деньги для «белого дела» // Исторические записки. М., 2004. Т. 7 (125). С. 61). Аналогичных документов по дипломатическим каналам было отправлено несколько. См., например: ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 185, л. 23–26.

В начале 1919 г. был предпринят ряд попыток обеспечить получение части военной контрибуции с Германии, которая могла бы пойти в погашение предполагаемого иностранного кредита[68]. Русским политическим совещанием в Париже были предприняты определенные усилия и для получения средств в пользу «белого дела» от союзников. Бывший министр финансов царского правительства П.Л. Барк предложил поднять вопрос о 60 млн ф. ст., переданных до революции английскому казначейству для обеспечения российских кредитов. В дальнейшем и другие участники заседаний стали исходить из необходимости получить от англичан и французов русское золото, переданное им во время войны[69]. Похоже, тень «великой России» затмила глаза даже известным в прошлом своим реализмом российским политическим деятелям. О.В. Будницкий справедливо отмечает, что большинство экономистов и финансистов, принимавших участие в заседаниях Финансово-экономической секции Русского политического совещания в Париже, собиралось разговаривать с союзниками на равных, как будто они представляли могучую империю, а не развалившееся под ударами революции государство[70]. Единственным условием возвращения русского золота из иностранных банков была полная оплата полученных во время Первой мировой войны кредитов. Участники парижских совещаний хотели сначала вернуть обеспечение старых кредитов на родину, а потом под него же получить новые кредиты.

Это – одна из причин активной борьбы в конце 1918 – начале 1919 г. Российского правительства за дипломатическое признание и уклонения стран Антанты от такового[71]. Нужно отметить, что, не допустив Россию до получения германской контрибуции, сами союзные державы в послевоенное время активно использовали германские деньги для погашения своих военных долгов.

Несмотря на утопичность основных положений финансовых проектов в условиях слабости государственной власти и отсутствия политического единства в стране, сама идея создать параллельно со старыми обесценившимися деньгами новую валюту, ограничить её выпуск и установить котировку на международном валютном рынке с целью последующей замены старых денег на новые вполне перекликается с большевистской ре-

---

[68] ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 185, л. 12.

[69] Будницкий О.В. Деньги для «белого дела». С. 62–65.

[70] Там же. С. 61. П.Л. Барка в период исполнения им министерских обязанностей трудно было упрекнуть в отсутствии здравого смысла. — См.: Беляев П.Л. Барк и финансовая политика России. 1914—1917 гг. СПб., 2002.

[71] О борьбе за участие российских представителей (Русское политическое совещание) на Парижской мирной конференции наиболее подробно см.: Шмелев А.В. Внешняя политика… С. 40–48.

формой Г.Я. Сокольникова–Н.Н. Кутлера, проведенной в 1922—1924 гг.[72] Утопизм, однако, пересиливал все положительные стороны проектов. В важнейших документах, подготовленных Министерством финансов и МИД, финансовая стабилизация в России открыто ставилась в зависимость от очень крупных иностранных вложений в нашу экономику, которые преподносились как моральный долг союзников[73].

Провал расчетов на международную финансовую помощь заставил омских политиков более реалистично оценить ситуацию. Весной–летом 1919 г. основные усилия Российского правительства были сосредоточены на улучшении качества выпускаемых денежных знаков и минимизации российских финансовых издержек за экономическую помощь, получаемую из-за рубежа.

На фоне внешнеполитических неудач Российское правительство оказалось вынуждено делать все больший упор на расширение эмиссии «сибирских» денег. На рубеже 1918—1919 г., несмотря на бравады И.А. Михайлова, недостаток денежных знаков, особенно мелких, ощущался повсеместно в той же острой форме[74]. 17 декабря 1918 г. Совет министров постановил выпустить в обращение 5%-ных обязательств на сумму в 500 млн руб., 11 февраля 1918 г. – 700 млн руб., 7 и 28 марта 1919 г. – по 1 млрд руб., а 3 июня 1919 г. – еще на сумму в 2 млрд руб., итого вместе с деньгами Временного сибирского правительства – на сумму 4 млрд 650 млн руб.[75] Но эти постановления не отражали действительную динамику денежной эмиссии. Проблема недостатка материалов и оборудования для печатания денег в 1919 г. продолжала стоять остро[76]. Сведения Государственного банка о движении денежной наличности показывают, что эмиссия всё время не успевала за отведенными законом лимитами, а в обращение денег выпускали ещё меньше[77].

Один из способов решения проблемы состоял в том, чтобы сделать новый заказ на изготовление качественных купюр в Америке. Почву для

---

[72] Бокарев Ю.П. Рубль в эпоху революций // Русский рубль: два века истории. М., 1995. С. 199–238; Он же. Денежная реформа середины 20-х годов и крушение рынка // НЭП: приобретения и потери. М., 1994. С. 113–119.

[73] См. Доверительную записку Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов в МИД «Современный момент в финансовой политике Министерства финансов» от 29 ноября 1918 г. Записка Министра финансов И.А. Михайлова от 20 декабря 1918 г. (Выдержки см.: Белый восток: финансы и политика). Нами выявлено несколько копий и вариаций этих записок: ГАРФ, ф. Р-198, оп. 1, д. 42, л. 4–7, 12, ф. Р-200, оп. 1, д. 187, л. 3–6, 17–21, 37–38об.; д. 187, л. 7–10об.

[74] Амурское эхо (Благовещенск). 1919. 6 февр.; Русская речь. 1918. 13 дек.; ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 185, л. 123–125; ГАИО, ф. Р-2, оп. 1, д. 103, л. 100–103, 119; д. 197, л. 20.

[75] СУР РП. № 4. Ст. 44; № 14. Ст. 221; Правительственный вестник. 1919. 1 мая, 25 февр., 6 июня.

[76] ГАРФ, ф. Р-143, оп. 1, д. 82, л. 2об.–60.

[77] Там же, ф. Р-5863, оп. 1, д. 82, л. 3об.–4, 9об.–10, 19об.–20, 27об.–28, 33об.–34, 41об.–42, 53об.–54, 59об.–60.

этого начал зондировать Б.А. Бахметьев ещё в октябре 1918 г.[78] Финансовому агенту Российского правительства С.А. Угету удалось в январе 1919 г. заключить в САСШ контракт на изготовление 10 млн 50-копеечных банкнот для России. Позже заказ был расширен до 50 млн. Другой заказ, на 60 млн 3-х и 5-рублевыми купюрами стоимостью $900 000, американцы принять отказались. При этом они сослались на неплатёжеспособность колчаковского правительства, отказавшегося оплатить проценты 1918 г. по американскому государственному займу[79]. В течение нескольких месяцев С.А. Угет пытался разместить заказ на печатание новых купюр с отсрочкой платежа. Но американская сторона требовала 25% предоплаты и регулярной проплаты частями по мере выполнения заказа. Поэтому с большим опозданием, только получив валютные переводы из Омска, в сентябре–октябре 1919 г. С.А. Угет смог заключить контракты на изготовление дополнительной партии 50-копеечных, 12 млн 10-рублевых, 32 млн 25-рублевых, 6 млн 100-рублевых, 1,5 млн 1000-рублевых и 5000-рублевых купюр 200 тыс. шт. Контракт на 25-ти и 100-рублевые купюры был рассчитан на 9 месяцев и должен был обойтись в $162 250, 500-сот и 1000-рублевые – $168 000. 6 октября 1919 г. был подписан контракт на изготовление 100 тыс. 50-копеечных и 20 млн 50-рублевых купюр за $185 000. Велись переговоры об изготовлении 3-х, 5-ти и 10-рублевых банкнот, видимо, очень большой партии, т.к. сумма контракта должна была составить $775 000. Из за отсутствия денег этот контракт не был подписан[80]. Общая сумма денег, вновь заказанных в САСШ, должна была достигать 9 млрд 550 млн руб., а вместе с 3,9 млрд из заказа 1917 г. и 50 млн полтинников, изготовленных в январе–марте 1919 г., – 13 млрд 475 млн. Суммарная стоимость заказов – $1290 000 [81]. Следовательно, в существующей историографии приводятся не полные, а промежуточные данные. Так О. Парамонов называет сумму в 12,3 млрд, правда, без ссылки на источник[82]. И.С. Шиканова указывает сумму в 8,5 млрд[83]. В нумизматических публикациях встречается информация о том, что отпечатанные в САСШ полтинники всё же поступили в обращение. Они были выпущены во Владивостоке, Харбине и Иркутске уже накануне падения

---

[78] FRUS... Vol. III. P. 79–80.

[79] ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 9, л. 44; ф. Р-200, оп. 1, д. 133, л. 66; Из секретной телеграммы представителя колчаковского правительства С.А. Угета. Вашингтон. 15 февраля 1919 г. // Колчак и интервенция на Дальнем Востоке. Владивосток, 1995. С. 142. Редакторы сборника опубликовали данный документ с купюрами, что вынуждает нас обращаться к архивной копии этой телеграммы. — ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 133, л. 36.

[80] ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 10а, л. 15, 18, 20–38, 145, 189–190; ф. Р-200, оп. 1, д. 133, л. 99.

[81] Там же, ф. Р-198, оп. 6, д. 10а, л. 223–223об.

[82] Парамонов О. Американские полтинники. С. 74.

[83] Шиканова И.С. Денежная реформа А.С. Колчака // Денежные реформы в России: история и современность. М., 2004. С. 129. Эти данные встречаются в газетах за сентябрь 1919 г. — См.: Дальневосточное обозрение (Владивосток). 1919. 9 сент.

Российского правительства[84]. Но точных данных об объёме этих выпусков никто не приводит.

Действительно, российским властям были переданы только эти мелкие купюры. Произошло это в сентябре 1919 г. Причем передача состоялась при условии, что российская сторона поставит на них штемпель, что ещё на пару месяцев оттянуло их выпуск в обращение[85]. Получив, наконец, партию 25-ти и 100-рублевых купюр (в конце октября 1919 – начале 1920 гг.), российские финансовые службы не успевали отгрифовать их в количестве, достаточном даже для снабжения полосы отчуждения КВЖД. Главная проблема заключалась в отсутствии средств для найма частных типографий, и решить её удалось только с помощью реквизиции соответствующего оборудования. Всего во второй половине 1919 г. от американцев было получено 1450 млн руб., из которых к концу года отгрифовали 682 024 800 руб.[86] Ещё в июле 1919 г. Особое совещание ВСЮР запрашивало у Омска часть заказанных денег в сумме 575 млн руб., которые намеревалось выпустить в обращение с соответствующими штемпелями[87]. Но на юг России никакие денежные знаки американского происхождения не поступали.

Сколько заплатили российские представители за заказ новых банкнот? Известно, что первая четверть суммы вносилась С.А. Угетом после подписания контракта, а это более $300 000, причем именно эта сумма была переведена российскому финансовому агенту из Омска в конце августа 1919 г. 26 ноября 1919 г. он сообщал, что уплатил American Banknote C° $251 510 [88]. Были ли другие транши в счет этого заказа – неизвестно.

Зондировалась почва и для другого пути решения проблемы – импорта из-за границы специального оборудования и материалов для печатанья качественных купюр внутри страны. В этом направлении работа велась, но «челночными» методами. В ноябре 1918 г. Министерство финансов отправило на Дальний Восток делегацию с широкими полномочиями по обследованию финансового рынка в составе Капущевского, Соломоновича и Морриса. В конце 1918 – начале 1919 г. они вплотную занялись вопросом о закупке всего необходимого для Экспедиции заготовления ценных бумаг[89]. Действуя через посредников, они добились в Японии принятия заказа на изготовление клише и поставку краски через 5–6 месяцев. Партнеры были выбраны крайне неблагонадежные, о чем предупреждал российский посол в Японии В.Н. Крупенский, обещая, подключив дипло-

---

[84] Шиканова И.С. Денежная реформа… С. 130; Парамонов О. Американские полтинники… С. 74.
[85] Дальневосточное обозрение. 1919. 7 сент.
[86] ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 18, л. 16; д. 29а, л. 28; оп. 11, д. 30, л. 4, 14, 25.
[87] Там же, оп. 6, д. 10а, л. 200; д. 18, л. 12.
[88] Там же, л. 209, 219; оп. 11, д. 30, л. 33.
[89] Там же, д. 15, л. 57, 62, 98.

матические каналы, ускорить и удешевить исполнение заказа. Приняв заказ, японцы тянули с его исполнением[90]. Тщетными оказались попытки закупить при посредничестве российских купцов литографические машины и бумагу в Шанхае[91]. Летом 1919 г. начался поиск литографических машин в САСШ. Только в сентябре Российское правительство объявило, что ему удалось достичь соглашения о поставке из САСШ необходимого оборудования[92]. Однако оно так и не было поставлено, и все денежные знаки, выпущенные в обращение Российским правительством, имели очень низкое качество исполнения. Лишь 16 ноября 1919 г. во Владивосток прибыла из САСШ бумага для печатания денег, партия которой в начале декабря была даже доставлена в Иркутск. Поздно оплаченная полиграфическая продукция стала активно поступать из Японии и САСШ только в ноябре–декабре 1919 г. и осела главным образом во Владивостоке. Предвидя это, Кредитная канцелярия Министерства финансов уже в сентябре занялась организацией печатания там сибирских денег, что и было осуществлено в ноябре–декабре[93].

К концу весны 1919 г. скорость печатания новых денег достигла размеров, достаточных для нужд государства, и их выпуск в обращение стал производиться не по мере печатания, а по мере необходимости покрыть расходы государства. По сведениям Государственного банка, к 1 мая 1919 г. в обращении находилось около 1,9 млрд руб. краткосрочными сибирскими обязательствами. Отпечатано же было к этому времени 5 млрд руб. На 16 июня 1919 г. их количество в обращении составило уже 2,8 млрд, а отпечатано было 6,4 млрд[94]. Более подробную информацию о динамике выпуска в обращение денежных знаков см. в Приложении, табл. V. О качестве выпускавшихся на рынок сибирских денег красноречиво говорит следующий факт. В июле 1919 г., получив образцы настоящих сибирских, служащие одного из китайских отделений Русско-азиатского банка сличили их с уже принятыми деньгами. Было выявлено 7 видов и 14 разновидностей, ни один из которых не совпал с полученным из Омска образцом[95]. Причем, вероятнее всего, лишь меньшая часть принятых денег была фальшивой. Настоящие деньги, выпускаемые одновременно в Екатеринбурге, Омске и Иркутске на какой придется бумаге, подчас радикально отличались друг от друга.

До лета 1919 г. вся финансовая политика Российского правительства ставилась в зависимость от того, удастся ли, наконец, получить купюры от американцев, либо оборудование для их печатания. Летом–осенью

---

[90] Там же, д. 9, л. 68, 79; ф. Р-200, оп. 1, д. 529, л. 16, 48.
[91] Там же, ф. Р-198, оп. 6, д. 9, л. 115, 118.
[92] Правительственный вестник. 1919. 6 сент.
[93] ГАРФ, ф. Р-198, оп. 11, д. 2, л. 2, 24, 34, 36, 72, 169.
[94] Там же, ф. Р-197, оп. 2, д. 1, л. 8об., 9.
[95] Там же, ф. Р-200, оп. 1, д. 233, л. 61.

1919 г. рост выпуска в обращение сибирских денежных знаков принял неограниченный характер. По неполным данным Государственного банка, в сентябре 1919 г. в обращении находилось 6,3 млрд руб., из которых 5,8 млрд руб. в 5%-ных обязательствах. Надежда на унификацию денежного обращения с помощью Североамериканских штатов исчезла окончательно, так как объем эмиссии Временного сибирского и Российского правительств многократно превысил количество отпечатанных в Америке и уже готовых купюр.

Известно, что эмиссионное право, данное Российским правительством Государственному банку, ограничивалось 12,5 млрд руб. сибирскими краткосрочными обязательствами и 650 млн казначейскими знаками[96]. Эти лимиты перекрыли ещё в Омске, напечатав 12 859 млн руб. сибирскими обязательствами[97]. А.И. Погребецкий и Л.Н. Юровский приводят несколько иную цифру – 12 731 095 625 руб.[98] В ноябре и декабре иркутская типография продолжала печатание сибирских денег. Эвакуированные из Омска типографские машины в первых числах декабря стали печатать деньги в винном складе[99]. К ним присоединилась владивостокская хромография общества «Печатного дела».

Кроме того, в документах встречается упоминание о выпуске в декабре 1919 г. в Иркутске нескольких серий билетов (минимум двух) 4,5%-ного государственного займа 1917 г., по 400 млн руб. каждая серия, бланки которого тоже были заказаны, оплачены и оперативно изготовлены в САСШ [100]. О происхождении этих денежных знаков нужно сказать особо. До лета 1919 г. Российское правительство не оставляло надежды на внутренний заем. Предполагалось использовать билеты государственного внутреннего выигрышного займа, отпечатанные в САСШ ещё по заказам Временного правительства 1917 г. вместе с банкнотами. Общая сумма отпечатанных билетов составила 2 млрд, в 10 сериях и 900 млн руб. купонов к ним. Министерство финансов рассчитывало извлечь повышенный доход, продавая их в 3–4 раза выше номинала. Население должно было привлечь большое количество выигрышей, выплачиваемых американскими качественными банкнотами[101]. Однако реально билеты попали в распоряжение Российского правительства в последние дни его существования и использовались для обычной эмиссии[102]. 19 ноября 1919 г. Россий-

---

[96] Там же, ф. Р-176, оп. 4, д. 25. л. 431–431об.
[97] Там же, ф. Р-190, оп. 2, д. 43, л. 151об.
[98] Погребецкий А.И. Денежное обращение… С. 8; Наше денежное обращение. С. 279. Автор данной публикации Л.Н. Юровский называет «омским» весь период существования Российского правительства.
[99] ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 187, д. 152–153.
[100] Там же, ф. Р-198, оп. 6, д. 29а, л. 91об.; ф. Р-5863, оп. 1, д. 26, л. 9–29.
[101] Там же, ф. Р-197, оп. 5, д. 44, л. 48об.
[102] Нестеренко Ю. С привкусом партизанщины. С. 28.

ское правительство разрешило выпуск этих денежных суррогатов в обращение. Постановление ввели в действие по телеграфу 22–23 декабря 1919 г.[103] Точных документальных свидетельств, подтверждающих эти сведения, выявить не удалось. Из 2,9 млрд в обращение было выпущено 1 464 499 710 руб. Российским правительством и 200 100 руб. Политическим центром[104]. В тревожные декабрьские дни 1919 г. в Иркутске и Владивостоке были отпечатаны трехрублевые купюры на 400 млн, из которых 385 млн было выпущено в обращение к 17 декабря 1919 г.[105] Их, похоже, ни один из авторов не учитывал.

Данные об общей эмиссии денег, произведенной омскими правительствами, в разных источниках, а затем и в разных исследованиях указываются несколько различные. Их обзор сделан И.С. Шикановой. Правда, Ф. Чучин суммирует все три вида сибирских денежных знаков, а Л.Н. Юровский и А.И. Погребецкий только два. И.С. Шиканова же воспринимает это как серьёзное разночтение в данных исследователей[106]. Менее аккуратны в подсчетах остальные исследователи[107]. Сведения по этому вопросу даны в табл. 4.1. Однако А.И. Погребецкий справедливо указывал, что количество новых денег не ограничивалось этой суммой. В оборот проникало большое количество фальшивых денег, которые десятками и даже сотнями миллионов рублей изготавливались в Китае. Не имея возможности улучшить качество выпускаемых обязательств, Государственный банк в соответствии с указаниями Министерства финансов вынужден был «снисходительно относиться к поступившим в кассы сомнительным обязательствам, если они не сильно отступали по исполнению от настоящих и не вызывали уверенности в подделке» [108]. От себя добавим, что дело не только в фальшивках и подделках под сибирские рубли. Эмиссия самого Государственного банка, как уже отмечалось, превысила установленный законом объём минимум на 744 млн руб., а скорее всего намного больше.

Важно отметить, что денежная эмиссия проводилась Временным Сибирским и Российским правительствами на денежном рынке, который они контролировали только отчасти, и на востоке России обращалось множество других денежных знаков, этот факт воспринимался сибирскими, а

---

[103] Погребецкий А.И. Денежное обращение… С. 38.
[104] Наше денежное обращение. С. 280.
[105] ГАРФ, ф. Р-198, оп. 11, д. 2, л. 168, 327; ф. Р-190, оп. 2, д. 43, л. 152.
[106] Шиканова И.С. Денежная реформа Колчака // Труды Государственного исторического музея. Нумизматический сборник. М., 1992. Ч. XI. С. 151, 165.
[107] Р.В. Николаев, данные которого воспроизводит Дж. Д. Смил, указал общую сумму эмиссии в 15 млрд (Smele J.D. Civil War in Siberia… P. 401); В.Ж. Цветков назвал 150 млрд. — Цветков В. «Экономическое чудо» по Колчаку // Родина. 2000. № 5. С. 143.
[108] Погребецкий А.И. Денежное обращение… С. 8. Цитируется записка управляющего Государственным банком, которую автор не датировал.

потом российскими властями как отклонение, как временное явление, которое должно быть устранено. Поэтому мероприятия по унификации денежного рынка заняли значительную часть усилий государственной власти антибольшевистского востока России.

Таблица 4.1

Сибирские денежные знаки, выпущенные во второй половине 1918 – начале 1920 гг.

	До 5 янв. 1920 г.	С 5 по 25 янв. 1920 г.	С 25 янв. по 17 февр. 1920 г.	ВСЕГО
5% краткосрочных обязательств	12731095625	375000000	675850000	13781945625
5% краткосрочных обязательств (по данным Л.Н. Юровского)		105850000	5939057223*	
5% краткосрочных обязательств (эмиссионное право)**	12500000000			
Казначейских знаков***	638707553	7652110	3151525	
Казначейских знаков (по данным Л.Н. Юровского		10803635		
2. Казначейских знаков (эмиссионное право)	650000000			649511188
3. Билетов облигации 1917 г. 1, 2, 3 разрядов и купонов к ним (выпуск)	1009999800	138000000		1147999800
4. Купонов к ним	454499910	621000000		1075499910
Билетов облигации 1917 г. 1, 2, 3 разрядов и купонов к ним (выпуск по данным Л.Н. Юровского)	1464499710	200100000	1158799200****	
Билетов облигации 1917 г. 1, 2, 3 разрядов и купонов к ним (эмиссионное право)*****	1740000000			
ИТОГО	14834302888	18206536352		16654956523
Итого по Л.Н. Юровскому	14834302838	1261753635	1158799200	

Источники: Погребецкий А.И. Денежное обращение… С. 7; Наше денежное обращение. Сб. материалов по истории денежного обращения в 1914—1925 гг. М., 1926. С. 257–279. Основные данные приводятся по изданию А.И. Погребецкого. Совпадающие сведения не оговариваются.

*Л.Н. Юровский приводит сведения о выпуске всех видов сибирских денег во Владивостоке с января по 5 июня 1920 г.

**Из них Временное сибирское правительство узаконило выпуск 300 000 000 руб.

***Из них Временное сибирское правительство узаконило выпуск 250 000 000 руб.

****Л.Н. Юровский приводит сведения о выпуске с 26 февраля по 6 июня 1920 г., отмечая, что деньги выпускались с надпечатками, включающими этот сибирский выпуск в общегосударственную советскую эмиссию.

*****Подтверждения сведений о том, что эмиссионное право Российского правительства на выпуск билетов и купонов облигаций 1917 г. чем-то ограничивалось, не выявлено.

Советская власть утвердилась на Урале и отчасти в Тобольской губернии уже летом 1919 г. 17 сентября 1919 г. Тюменским ревкомом был принят приказ об аннулировании сибирских денег достоинством 1000 руб. и более. Деньги номиналом 500 руб. и ниже подлежали штемпелеванию в трехдневный срок и выпускались в обращение. К штемпелеванию население и организации региона предъявили всего 10 млн 650 тыс. руб., явно очень небольшую часть сибирских денег, имевшихся в обращении[109].

В Восточной Сибири сибирские деньги продолжали ходить, а объём их эмиссии даже возрастал. Её не остановило падение Российского правительства. С 5 по 25 января 1920 г. пополнять кассы финансовых учреждений сибирскими деньгами продолжал Иркутский Политический центр, а с 26 января по 17 февраля 1920 г. – Иркутский военно-революционный комитет. Они выпустили 1 753 635 000 руб. Повторялась история с «керенками». Советская власть в очередной раз не испугалась выпустить из-под печатного станка деньги своих вчерашних врагов. Эмиссия сибирских денежных знаков, таким образом, увеличивалась до 16 млрд руб.[110]

В феврале 1920 г. все сибирские денежные знаки были аннулированы советской властью. Сам этот факт в условиях гражданской войны вполне понятен. Но следует учесть, что революционная власть Иркутска буквально до последнего дня выпускала в обращение те деньги, которые вскоре сама же отменяла. Естественно, это ударило очень болезненно по населению, причем пострадали в первую очередь рядовые граждане. Денежное обращение в Сибири в 1920 г. – сюжет, который имеет самостоятельное научное значение, но выходит за рамки настоящего исследования. В историографии он по-прежнему остаётся «белым пятном».

Ещё один эмитент, продолживший выпуск «сибирских» денежных знаков – Приморская областная земская управа. Сохранив автономию и антибольшевистскую направленность, этот орган предпринял выпуск в обращение денег сибирского образца на американской бумажной основе высокого качества. В обращение попали 3-х, 50-ти, 250-ти, 1000 и 5000-рублевые купюры общим объемом выпуска 5 939 057 223 руб.

---

[109] Рощевский П.И. Ликвидация финансовых затруднений в Западной Сибири после изгнания колчаковцев в 1919 году // Уч. зап. Свердловского и Тюменского пед. ин-тов. 1969. Т. 91. Исторический сборник. Вып. 2. С. 30.

[110] Наше денежное обращение. С. 280.

(5 597 982 223 руб., по данным А.И. Погребецкого, который уточняет, что ещё 160 975 000 руб. изготовленных денег остались невыпущенными в обращение). В марте 1920 г. началось обвальное падение курса сибирских рублей в Приморье, связанное с изъятием из обращения этих денег в Сибири и советской зоне Дальнего Востока. 5 июня 1920 г. Приморская областная земская управа начала обмен старых и новых сибирских денежных знаков на деньги нового образца по курсу 1:200 [111]. Это была девальвация, но не конфискационный обмен, что выгодно отличало эту меру от предпринятых советской властью шагов. Так сибирские денежные знаки сошли с исторической сцены. Последующая денежная политика приморской власти обстоятельно исследована А.И. Погребецким и лишь поверхностно пересказана в позднейших исторических исследованиях[112].

Как заметил советский исследователь В. Наволочкин, весь путь сибирских денежных знаков – это путь скольжения под уклон, путь почти ежедневного падения в цене[113]. Подобные эмиссии не могли не сказаться на курсе сибирского рубля. На Дальнем Востоке курс сибирской валюты с июня по декабрь 1920 г. упал с 18 до 160–170 руб. за иену[114].

Ещё в 1920-е гг. Л.Н. Юровский осуществил дефляцию сибирских денежных выпусков, выразив весь объём эмиссии в золотых рублях. Он полагал, что 14 834 302 838 руб. всех видов, выпущенные в обращение Временным сибирским и Российским правительствами, имели реальное стоимостное выражение в 385 306 566 зол. руб. (1 зол. руб. равен 38 сибирских). 1 261 753 635 руб., пополнивших денежный рынок при Политическим центре, реально имели вес в 10 877 187 зол. руб. (1 зол. руб. равен 116 сибирских). Выпуск в обращение 1 158 799 200 сибирских руб. Иркутским военно-революционным комитетом был обеспечен на 681 647 зол. руб. (1 зол. руб. равен 1700 сибирских). Владивостокские сибирские деньги 1920 г. в 5 939 057 223 руб. оценены им в 9 898 445 зол. руб. (1 зол. руб. равен 600 сибирских). Технологии своих подсчетов советский финансовый работник не раскрывает, хотя взвешенность его оценок и опора на документальную базу не вызывает сомнений[115].

---

[111] Там же; Погребецкий А.И. Денежное обращение… С. 96.

[112] Погребецкий А.И. Денежное обращение… С. 140; Демидов Л.А. Экономическая политика Дальневосточной республики: истоки, эволюция, финал // Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. Владивосток, 1998. С. 224; Долгов Л.Н. Экономическая политика гражданской войны: опыт Дальнего Востока России. Комсомольск-на-Амуре, 1996; Ципкин Ю.Н. Белое движение на Дальнем Востоке (1920—1922 гг.). Хабаровск, 1996. С. 100–102.

[113] Наволочкин Н. В папке полтора миллиона. История денежных знаков на Дальнем Востока // Дальний Восток. 1966. № 4. С. 153–158.

[114] Погребецкий А.И. Денежное обращение… С. 29.

[115] Наше денежное обращение. С. 257–280.

Иностранные займы и судьба «золотого запаса»

Итак, имея очень небольшие реальные доходы и огромные расходы, антибольшевистские правительства востока России большие надежды возлагали на внешний заём. В течение всей Первой мировой войны Россия регулярно получала от союзников товарные кредиты. Это и удерживало страну в состоянии войны с Германией, но не помогло предохранить от революции. Товарные и денежные кредиты были заморожены только с приходом к власти большевиков. Например, САСШ приостановили проплату неизрасходованной части в $134 млн из кредита в $325 млн, выданного Временному правительству[116]. Однако все усилия по «размораживанию» этих кредитов, как известно, наталкивались на проблему официального признания одного из антибольшевистских правительств. Вопрос о возобновлении кредитов и поставок по ним военного и прочего оборудования поднимался неоднократно разными правительствами. Но всерьез можно рассматривать только усилия Российского правительства.

В САСШ, Великобритании и Франции были политики, склонявшиеся к необходимости выдать Омску новые или разморозить старые кредиты, чтобы помочь ему в вооруженной борьбе с большевиками. Генерал Д.Г. Щербачев и С.Д. Сазонов в марте 1919 г. просили у Франции кредит в 690 млн фр., но реакции французского правительства не последовало[117]. И.А. Михайлов 5 июля 1919 г. просил американское правительство через С.А. Угета и И.К. Окулича о кредите в $168 млн, представляя помесячную смету на полгода вперед[118]. По сообщению И.И. Сукина, в июле он уговорил генерального консула САСШ в Иркутске Э. Гарриса содействовать в получении кредита в $320 000 000 [119]. Во время известного «Омского» совещания российские представители говорили о необходимости выделить им кредит в $200 млн. Посол САСШ в Японии Моррис, посетивший в июле–августе 1919 г. Сибирь, поддержал просьбу о 180-миллионном кредите[120]. Чтобы ускорить получение кредита, вернулись к обсуждению вопроса о сроках и гарантиях погашения российского долга. Министр финансов просил послов напомнить правительствам, в которых они были аккредитованы, что Российское правительство намерено выделить в текущем году 383 млн руб. на уплату процентов по внешним долгам и 58 млн руб. в погашение самих долгов[121]. В телеграмме от 12 августа 1919 г. в Вашингтон И.И. Сукин уверял, что для покрытия неоплаченных

---

[116] Девис Д., Трани Ю. Первая холодная война. М., 2002. С. 143.
[117] ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 116, л. 77.
[118] Там же, ф. Р-198, оп. 5, д. 25, л. 420, 426.
[119] Там же, ф. Р-200, оп. 1, д. 185, л. 42.
[120] Светачев М.И. Империалистическая интервенция в Сибири… С. 165, 167; Шмелев А.В. Внешняя политика… С. 215.
[121] ГАРФ, ф. Р-198, оп. 5, д. 25, л. 308.

процентов по русским долгам в Америке Российское правительство намерено выпустить специальные боны, которые дадут держателям дополнительную уверенность в намерении когда-нибудь с ними расплатиться. Министр уверял, что в ближайшее время Россия приступит к погашению и процентов, и самого капитала по своим займам, но чтобы это произошло, Америка должна выдать ещё один заём[122]. Вопреки утверждению И. Субботовского о положительном решении этого вопроса САСШ и усилении помощь Колчаку[123] никаких кредитов от иностранных государств так и не последовало. Из Японии В.Н. Крупенский сообщил в феврале 1919 г., что все попытки получить заем у японского правительства безнадежны. Он предлагал вернуться к обсуждению вопроса позже, когда будут получены положительные ответы от других союзников, и предупреждал, что вероятнее всего это будет заем у частных банков под залог золота[124].

Не будучи признанным международным сообществом, Российское правительство могло получить деньги на оплату товаров только у частных банков. Но для этого нужны были гарантии куда более реальные, чем те, которые Министерство финансов предоставляло иностранным государствам в конце 1918 – начале 1919 г. А оно предлагало абстрактное обеспечение всем национальным достоянием, т.е. по сути дела просило бланковый кредит, основанный на полном доверии к заёмщику. Чтобы сдвинуть с мертвой точки вопрос о военном снабжении, колчаковское Министерство финансов в марте 1919 г. согласилось на перевозку части золотого запаса во Владивосток. Это золото должно было стать не средством оплаты выполненных заказов, а всего лишь гарантией (но в действительности стало залогом) того, что Российское правительство выплатит свои долги. Согласие на перевозку части золота во Владивосток было своеобразным компромиссом между принципом непредрешения и необходимостью делать закупки за рубежом.

Корректировка намерений правительства относительно судьбы золотого запаса застала Государственный банк врасплох. С ноября 1918 г. золото так и продолжало лежать в омских кладовых банка не осмотренное и не принятое на баланс[125]. Поэтому 10 марта 1919 г. Российское правительство вынуждено было санкционировать отправку на восток более 173 млн зол. руб. без пересчета, ограничившись их проверкой по банковским книгам[126]. Только 3 апреля 1919 г. Совет министров постановил начать прием

---

[122] Субботовский И. Союзники, русские реакционеры… С. 118.
[123] Там же. С. 122.
[124] ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 529, л. 21, 23.
[125] Даже документы Омского отделения Государственного банка содержат разные сведения о количестве этого золота, колеблющемся в несколько тысяч зол. руб. — ГАРФ, ф. Р-143, оп. 14, д. 23, л. 11, 11об.; ф. Р-176, оп. 4, д. 33, л. 284; РГАЭ, ф. 2324, оп. 16, д. 47, л. 46.
[126] РГАЭ, ф. 2324, оп. 16, д. 53, л. 205.

золота на баланс Государственного банка. Эта процедура была завершена 10 мая[127].

Любопытно, что вместо числившихся по документам 651 534 407 зол. руб., захваченных в Казани, в банке при пересчете обнаружили только 645 410 610 зол. руб. Впрочем, банковские работники дали этому объяснение. 100 ящиков успели вывезти большевики во время бегства из Казани, и это никак не было зафиксировано в банковских документах, а в нескольких поврежденных мешках обнаружился недочет. Итого разница между документами и реальным количеством золота в Омских кладовых составила 6 123 796 зол. руб.[128]

19 и 20 июля было отгружено во Владивосток 84 360 тыс. зол. руб., 8 сентября и 18 октября – ещё две партии, но они были задержаны Г.М. Семёновым в Чите. Наконец, 7 ноября 1919 г. оставшееся золото погрузили в 29 вагонов для отправки в Иркутск[129]. Это знаменитый «золотой эшелон», который, в конце концов, почти полностью вернулся в советскую Россию. Его судьба, достаточно подробно исследованная в историографии[130], нас не интересует, т.к. это золото, не использованное Российским правительством. Всего же во Владивосток в 1919 г. попало 190 899 651 зол. руб., в Чите осталось 43 577 774 зол. руб.[131] Большинство исследователей приводят несколько иные данные: 195 026 000 зол. руб. прибыло во Владивосток, 42 251 000 захватил Г.М. Семенов. При этом они ссылаются на публикацию В.И. Новицкого или друг на друга[132].

О пребывании части золотого запаса России в Сибири написаны горы литературы, но все авторы перетолковывают сведения, введенные в научный оборот несколькими эмигрантскими (А.И. Погребецкий и В.И. Но-

---

[127] Вестник финансов, промышленности и торговли. 1919. № 16. С. 23.

[128] РГАЭ, ф. 2324, оп. 16, д. 47, л. 46.

[129] Там же, д. 53, л. 206–209, 214.

[130] Золотой эшелон / Публ. Кладт А.П. и Кондратьева В.А. // Исторический архив. 1961. № 1. С. 20–53; Кладт А.П., Кондратьев В.А. Быль о золотом эшелоне. М., 1962; Гак А.М. Дворянов В.Н., Папин Л.М. Как был спасен «золотой запас» России // История СССР. 1960. № 1. С. 137–143; Гак А.М. О судьбе золотого запаса России в 1918—1920 г. // Новая и новейшая история. 1993. № 6. С. 133–155; Драгомирецкий В.С. Чехословаки в России 1914—1920 гг. Париж; Прага, 1928. С. 163–172; Лившиц С.Г. Новое о «золотом эшелоне» // Алтай. 1969. № 4. С. 75–89; Smele J.D. Imperial Russian Gold? Reserve in the Anti-Bolshevik East. 1918—? (An Unconcluded Chapter in the History of the Russian Civil War // Europe – Asia Studies. Vol. 46. 1994. P. 1317–1347).

[131] ГАРФ, ф. 143, оп. 14, д. 23, л. 11.

[132] Петров С. Сколько российского золота оказалось за границей в 1914—1920 гг.? // Дипломатический ежегодник: к 60-летию Дипломатической академии. М., 1995. С. 245–247; Smele J.D. Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak 1918—1920. Cambridge, 1996. P. 419; Smele J.D. Imperial Russian Gold… P. 1319. С. Петров утверждает, что эти данные извлечены из документов Российского Государственного банка, хранящихся в ЦГАОР (ныне ГАРФ), но не приводит архивную легенду использованных документов. Выявленные нами документы Государственного банка о «золотом запасе» хранятся в другом архиве и содержат иную информацию.

вицкий) и советскими (А.М. Гак, А.П. Кладт, В.А. Кондратьев) авторами. Дж.Д. Смил, ссылаясь на В.И. Новицкого, приводит общую сумму перевезённого во Владивосток золота: 195 026 801 руб., и она равняется сумме проданного и переданного на депозит иностранным банкам (табл. 4.2). А.П. Кладт и В.А. Кондратьев дают другие сведения – 197 994 721 зол. руб., а в справке Государственного банка упоминается 190 899 651 зол. руб.[133]

Таблица 4.2

Займы Российского правительства, осуществленные с использованием «золотого запаса»

Покупатель, заимодатель, время заключения сделки	сумма в зол. руб.	сданная сумма в валюте
Продажа		
Французскому правительству (май 1919 г.)	2661185	нет сведений
Британскому правительству (май 1919 г.)	10898182	— " —
Британскому и Французскому правительствам (июнь 1919 г.)	14753114	51300000 фр.
Японскому правительству (август 1919 г.)	13559381	нет сведений
Японскому правительству (сентябрь 1919 г.)	10550254	— " —
Французскому правительству (сентябрь 1919 г.)	15839381	— " —
Общая сумма продаж	68261497	— " —
Депозит		
Под заем в Японии (Йокогама спеши-банк и Чосен банк)	31680765 26580000*	30535434 иены 29500000 иен* 80535434**
Под заем у Англо-Американского консорциума банков	90860000 81500000**	8621171 ф. ст.
Депозит под оружие в САСШ	4224102	$2059267
Общая сумма	126765304	–
Сумма проданного и сданного на депозит	195026801	–

Источники: Документы внешней политики. М., 1961. Т. 5: 1 января 1922 – 19 ноября 1922 г. С. 309; Любимов Н.Н. Баланс взаимных требований СССР и держав согласия. М., 1924. С. 88–89; Погребецкий А.И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока в годы войны и революции. Харбин, 1924. С. 10–13; Сиратори М. Деятельность японских банков на Дальнем Востоке России. 1907—1917 гг. // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Владивосток, 1997. С. 132; Smele J.D. Imperial Russian Gold? Reserve in the Anti-Bolshevik East. 1918—? (An Unconcluded Chapter in the History of the Russian Civil War // Europe – Asia Studies. Vol. 46. 1994. P. 1319–1320); Smele J.D. Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak 1918—1920. Cambridge, 1996. P. 419.

*Сиратори М. Деятельность японских банков… С. 132.

**Погребецкий А.И. Денежное обращение… С. 13.

[133] РГАЭ, ф. 2324, оп. 16, д. 47, л. 624; Дж.Д. Смил в обеих своих публикациях цитирует неизвестную нам в оригинале статью В.И. Новицкого: The Russian Gold Reserve – What Become of it // The Economist. L. Vol. 100. № 4 (266). 1925. 30 May. P. 1066–1067 (Smele J.D. Imperial Russian Gold… P. 1319; Smele J.D. Civil War in Siberia… P. 419.); Золотой эшелон / Публ. Кладт А.П., Кондратьев В.А. // Исторический архив. 1961. № 1. С. 22–23.

Никто из исследователей до сих пор не задался вопросом о том, насколько эффективно попыталось распорядиться Российское правительство частью золота. Министерство финансов и МИД рассматривали два пути. Первый, более предпочтительный, – получение кредитов под обеспечение золота. Второй – продажа – считался приемлемым в форс-мажорных обстоятельствах, если нужда в валюте станет крайней. Вопрос о реализации серебра стал рассматриваться с февраля 1919 г., а золота – с апреля 1919 г., а всем финансовым агентам было дано задание изучить мировой рынок золота и выяснить условия наиболее выгодной его продажи и кредитования под него. Однако условия оказались весьма неблагоприятны[134]. Французы предлагали купить неограниченное количество золота через Банк де Франс, но с условием расходования только внутри страны, Гонконг-Шанхайский банк затребовал полуторное золотое обеспечение в 37 млн зол. руб. Сити-банк готов был дать лишь $5 млн, или 1/5 того, что запрашивало российская сторона. В Англии банк братьев Беринг взялся организовать Англо-американский синдикат для консолидированного крупного займа в 10 млн ф. ст. на более выгодных условиях – золотой депонент должен был лишь на 15% превышать сумму кредита[135].

Существовала серьезная опасность, что иностранные кредиторы России потребуют принудительного взыскания долгов, и тогда на выпущенное за рубеж русское золото или денежные фонды будет наложен секвестр. Действительно, несколько позже, в 1920 г., Франция потребовала секвестрировать золото и валюту российской казны для оплаты внешнего долга[136]. Поэтому переговоры о займах и продажах золота не афишировались. Окончательное заключение сделок задерживалось крайней медлительностью телеграфного способа согласования условий между Омском и Лондоном, Парижем, Нью-Йорком, Токио. Переговоры с англо-американским синдикатом затянулись до сентября 1919 г. Все участники, кроме братьев Беринг, выдвигали новые, кабальные условия. Майские продажи золота российское Министерство финансов и Политическое совещание в Париже рассматривали как пробный шар, полагая, что после первых продаж легче будет решать основную задачу – договариваться о залоге основной части золота под крупный кредит. В конце июня 1919 г. ряд американских частных банков согласились независимо от англо-американского синдиката на операцию по залогу золота ещё на $5 млн. Одновременно правительство САСШ согласилось на поставку некоторых товаров под золотой депонент, допускавший оплату контрактов до 15 сен-

---

[134] ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 116, л. 47; д. 132, л. 73; д. 133, л. 71; д. 179, л. 8, 14–15; д. 332, л. 30; Шмелев А.В. Внешняя политика… С. 175.

[135] Об интервенции США против советской России // Исторический архив. 1960. № 6. С. 10; ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 185, л. 39–40об.

[136] ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 179, л. 54об.

тября 1919 г. долларами. В случае неуплаты долларов к указанному сроку золотой депозит оставался в распоряжении американских партнеров[137]. Условия подписанных в Америке контрактов оказались крайне невыгодны, в том числе и по вине российской стороны. Из-за недостатка ресурсов Кредитная канцелярия Министерства финансов смогла доставить золото в Гонконг для депонирования только в октябре. Всю сумму займа Российское правительство должно было получить частями к 31 декабря 1919 г.[138] Параллельно С.А. Угет вел переговоры о контрвалютной продаже мехов[139].

С японскими банками переговоры начались позже, но уже в августе 1919 г. была достигнута договоренность с Иокогамма-спеши и Корейским банком о кредите в 20 млн иен частями в течение 3 месяцев, причем сумма депонента всего на 3% перекрывала сумму займа, а сам депонент оставался во Владивостоке. Но, узнав о куда более выгодных условиях депонирования золота в Гонконг-Шанхайском банке для англо-американского синдиката, японские банкиры стали искать предлог отказаться от сделки. Таким предлогом стало нежелание принимать уже подготовленную для них монету. Они требовали золото в слитках, причем настаивали на депонировании в Осаке. При этом Государственный банк Японии предложил продать золото на очень выгодных условиях на сумму до 120 млн иен. Сделку по депонированию заключили только в конце октября, ввиду чего в Японии были проплачены многие заказы и куплены новые материалы. Немедленно начались переговоры о новом займе в 30 млн иен под депонент золота на тех же условиях. Переговоры по этой сделке так и не успели завершить[140]. С.Г. Лившиц указывал на кабальные условия сделки. В частности, он отметил, что любое нарушение условий залога российской стороной давало право японцам присвоить золото вне зависимости от выполнения заказов японским правительством, а все споры между банками разрешались только японскими судами. По-видимому, более справедлив М. Сиратори, писавший, что факт оставления японским банком золота на своем балансе следует считать нормальным явлением. Это не выходит за рамки мировой практики залоговых сделок. Залог не был выкуплен своевременно. Хотя и он замечает, что детали сделки до сих пор неизвестны исследователям[141]. Этот же японский историк сообщает, что новых займов

---

[137] Там же, д. 132, л. 22; д. 179, л. 17–17об., 20, 24, 26, 27, 40; д. 185, л. 48, д. 342, л. 53.
[138] Там же, д. 179, л. 47.
[139] Там же, д. 116, л. 124–126; д. 132, л. 104.
[140] Там же, ф. Р-198, оп. 6, д. 29а, л. 38–38об.; ф. Р-200, оп. 1, д. 529, л. 120, 136–137, 140, 162, 194.
[141] Лившиц С.Г. Политика Японии в Сибири. 1918—1920. Барнаул, 1991. С. 72–73; Сиратори М. Деятельность японских банков на Дальнем Востоке России. 1907—1917 // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Владивосток, 1997. С. 132–133.

больше не было, однако первоначальный кредит был действительно увеличен с 20 млн до 30 млн иен. Иные детали сообщает А.И. Погребецкий. По его данным, российская сторона внесла на депозит 80 535 434 иен золотом. За это России был предоставлен заем в 50 млн иен, из которых реально получено было только 29,5 млн иен[142]. Никаких данных, подтверждающих ту или иную версию, в архивах обнаружить не удалось.

Часть золота пришлось просто продать японцам. Причем переговоры о кредитах под залог золота начались раньше, но закончились позже переговоров о продаже золота. Условия сделки с японской стороной были крайне невыгодны. В уплату за поставку винтовок, патронов и шинелей японское правительство потребовало продажи золота, причем не в монетах, а в слитках по завышенному курсу иены[143]. Кроме того, «капризы» японцев повлияли и на остальных участников скупки золота. Англо-американский консорциум стал требовать тоже предоставления золота в слитках, оговаривая приемку монетой менее выгодными условиями[144].

Информация о начале расходования золотого запаса тщательно скрывалась и от российской публики. Министерство финансов уверяло газеты, что продает только золото, добытое в Сибири. Сведения о том, что под валютные кредиты Российскому правительству приходится депонировать часть золотого запаса, в прессу не просачивались[145]. Сведения об этом стали появляться только в сентябре 1919 г.[146] Но уже в августе 1919 г. у Омска появилась солидные валютные резервы. Значительная часть из них была переведена за границу на оплату контрактов и деятельность заграничных агентов. Например, в июле 1919 г. И.А. Михайлов перевел 600 тыс. фр. в Европу[147]. Всего же на счет Рафаловича в Париж было переведено 35 680 000 фр.[148] Деньги за границу можно было переводить только на счета частных лиц, т.к. казенные счета могли попасть под арест[149]. Поэтому в том, что перед ликвидацией Российского правительства остатки валютных средств были переведены на личные счета министров и финансовых агентов, не было ничего криминального[150]. Аналогичную меру в феврале–марте 1920 г. провело Особое совещание ВСЮР, спасая валютные запасы от секвестра[151].

---

[142] Погребецкий А.И. Денежное обращение… С. 12.
[143] Лившиц С.Г. Политика Японии в Сибири… С. 72.
[144] ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 29, л. 46об., 48об.
[145] Русский экономист (Владивосток). 1919. 20 авг.; Вестник Манчжурии (Харбин). 1919. 10, 14 авг.; Дальневосточное обозрение (Владивосток). 1919. 18 июля.
[146] Русь (Омск). 1919. 21 сент.
[147] ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 116, л. 145.
[148] Любимов Н.Н. Баланс взаимных требований СССР и держав согласия. М., 1924. С. 89.
[149] ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 133, л. 85.
[150] Там же, ф. Р-198, оп. 6, д. 29об., л. 89.
[151] Карпенко С.В. Очерки истории белого движения на юге России (1917—1920 гг.). М., 2002. С. 186.

Для более эффективного расходования валютных резервов 19 апреля 1919 г. распоряжение всей казенной валютой сосредоточили в Особенной канцелярии по кредитной части, сильно урезав возможности ведомств совершать сделки по приобретению и расходованию валюты. Отныне все казенные расходы в валюте должны были сначала рассматриваться в Валютной комиссии (расходы на содержание государственного и пропагандистского аппарата, разведки, оплату связи) и Главном управлении по заграничному снабжению (расходы на обеспечение заграничных заказов и закупок). Потом утвержденные предложения ещё раз рассматривались в Междуведомственной комиссии[152]. Предпринимались и другие меры. В частности, у Кыштымского горного округа было реквизировано около 100 пуд. серебра, эвакуированного с Урала при отходе белой армии. Реквизицию произвели вопреки возражениям администрации Кыштымских заводов по очень низкой цене в 1 руб. 80 коп. за золотник[153].

Стремление к экономии валютных запасов заставило правительство прибегнуть к крайне непопулярной мере – издать правила, обязавшие всех российских экспортеров сдавать всю валютную выручку государству для обмена на рубли по текущему курсу. Это лишь заставило предпринимателей перевести все сделки с русского Дальнего Востока в Харбин, так как на китайскую территорию эти правила не распространялись. Уже в середине августа пришлось отказаться от данной нормы, чтобы хоть как-то стимулировать возобновление экспорта и поступления негосударственной валюты на внутренний рынок[154]. Но необходимость поддерживать подающий курс «сибирок» сводила на нет усилия по экономии валюты. Кредитной канцелярии Министерства финансов пришлось вступить в сговор с банками, по условиям которого Гонконг-Шанхайский и Индо-Китайский банки, Чосен-банк и Спеши-банк должны были скупать на рынке сибирские рубли на сумму 3 млн еженедельно. Министерство финансов обязалось выкупать у банков рубли за валюту[155]. Эта операция слегка замедляла падение рубля на дальневосточных рынках, но не позволяла сконцентрировать валютные запасы государства для оплаты заказанных за рубежом товаров.

Реализация части золотого запаса напомнила о том, что всероссийский характер власти А.В. Колчака был признан другими центрами контрреволюции. Ещё в феврале 1919 г. управляющий отделом финансов ВСЮР М.В. Бернадский просил омское Министерство финансов через С.Д. Сазонова открыть для Особого совещания кредит в 30 млн зол. руб. в банках

---

[152] ГАРФ, ф. Р-176, оп. 4, д. 25, л. 221–224; оп. 5, д. 92, л. 298–300; ф. Р-159, оп. 6, д. 20, л. 97–98.
[153] Там же, ф. Р-176, оп. 5, д. 900, л. 60.
[154] Там же, ф. Р-198, оп. 6, д. 29а, л. 6–6об., 15об.
[155] Там же, л. 9об.–10, 16.

Парижа и Лондона, переведя для этой цели необходимую часть золота в одно из Шанхайских отделений крупного европейского банка[156]. Часть вырученной валюты была, по настоятельным просьбам от А.И. Деникина и Н.Н. Юденича, с сентября 1919 г. направлена на оплату военных заказов для юга (750 тыс ф. ст.) и северо-запада России, хотя делалось это с большой неохотой[157]. Решения о переводе валюты для оплаты военных счетов Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича принималось Советом министров 17 апреля (10 млн фр.) и 5 сентября (38 млн крон) [158]. По подсчетам С.С. Балмасова Российское правительство перечислило на снабжение Северо-Западной армии в июле–августе 160 млн руб., в сентябре – еще 260 млн руб. Но деньги поступили только в сентябре–октябре 1919 г. и не смогли своевременно обеспечить военный успех Н.Н. Юденича[159] Часть валюты (866 тыс ф. ст.), вырученной от продажи золота через Индо-Китайский банк, вероятно, досталась Н.Н. Юденичу[160]. Даже 4 декабря 1919 г., незадолго до падения Российского правительства, С.Д. Сазонов просил немедленно передать 100 млн зол. руб. в распоряжение А.И. Деникина[161].

Поняв, что по условиям заключенных с иностранными банками контрактов золотой депозит в ближайшее время будет потерян, И.И. Сукин 8 октября 1919 г. предпринял жест отчаяния – обратился к иностранным державам с просьбой о новом государственном займе с целью консолидации частных займов последнего времени под золотой депонент и предоставления возможности делать новые закупки за рубежом. Министр просил $300 млн[162].

Существовало ещё одно не оправдавшее себя направление деятельности заграничных представителей по получению иностранной валюты. Ещё весною 1918 г. у В.И. Новицкого возникла идея аккумулировать средства русских эмигрантов. До октября он занимался подготовкой к воплощению своей идеи, встречался с американскими и французскими банкирами. Судя по всему, финансовую сторону идеи успели проработать достаточно основательно, но благоприятное время было упущено[163]. Осенью 1919 г. Министерство финансов Российского правительства выдвинуло новый, весьма авантюрного характера, проект получения твердой валюты. Речь

---

[156] Внешняя политика контрреволюционных правительств в 1919 г. // Красный архив. 1929. Т. 6 (37). С. 80; Карпенко С.В. Очерки истории белого движения… С. 165.

[157] ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 179, л. 60; д. 342, л. 105, 107, 113, 120; Карпенко С.В. Очерки истории белого движения… С. 165.

[158] Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 г. М., 2003. С. 563–565.

[159] Балмасов С.С. Омское правительство и финансирование армии Юденича // Белая гвардия: альманах. № 7. Белое движение на северо-западе России. М., 2003. С. 58–62.

[160] ГАРФ, ф. Р-198, оп. 5, д. 25, л. 61.

[161] Там же, ф. Р-200, оп. 1, д. 179, л. 59.

[162] Там же, д. 342, л. 214–216об.

[163] Будницкий О.В. Деньги для «белого дела»… С. 75–80.

шла о мобилизации сбережений российских эмигрантов в САСШ через создание Эмигрантского банка. Законопроект был одобрен сначала финансовой комиссией Государственного экономического совещания, а 13 октября 1919 г., несмотря на очень серьезные возражения, самим Государственным экономическим совещанием и, наконец, утвержден в Совете министров 17 октября 1919 г. В обоснование проекта был составлен целый том материалов обследования русских эмигрантов в САСШ, который, по утверждению О.В. Будницкого, представлял немалую ценность как научное исследование[164]. На создание банка постановили отпустить $1 млн, рассчитывая при этом привлечь 40–50-миллионные кредиты[165]. Но проект не был реализован.

Разговоры о том, что западные банки обманули А.В. Колчака, и Россия сейчас должна требовать обратно депонированное золото, да ещё и с процентами за прошедшие более чем 80 лет, – чистой воды политическая спекуляция[166]. Литературу, посвященную этому вопросу, достаточно полно и взвешенно проанализировал О.В. Будницкий, что позволяет избежать специального историографического экскурса[167]. Заём под депонент золота был на самом деле продажей золота, едва прикрытой «фиговым листком» условий возврата. Но этот «фиговый листок» дорого обошелся российской казне, так как сумма залога значительно превышала сумму займа, комиссионные проценты банки взяли кабальные. Чистая продажа золота могла быть осуществлена на более выгодных условиях. Полученная валюта была израсходована на нужды всех антибольшевистских правительств России, хотя большая часть досталась Российскому правительству. Остатки валюты были переведены на счета дипломатических представительств (от 60 млн зол. руб., по оценке Н.Н. Любимова, до 100 млн зол. руб., по оценке А.И. Погребецкого) и на личные счета министров. Расхожее обвинение в разворовывании министрами Российского правительства золота и валюты перед крахом правительства нельзя считать ни опровергнутым, ни доказанным[168]. Необходимо помнить, что перевод

---

[164] Там же. С. 77.

[165] ГАРФ, ф. Р-176, оп. 5, д. 99, л. 212; ф. Р-190, оп. 1, д. 72, л. 12–24; Процесс над колчаковскими министрами… С. 191, 573.

[166] Именно этому посвящены многочисленные работы В. Сироткина и монография И. Латышева, в которой депонированное золото называется не иначе, как «украденным». — См.: Латышев И. Как Япония похитила российское золото. М., 1996; Сироткин В. «Романовское» золото // Российское золото. 1994. Т. 3. С. 437–447; Он же. Вернется ли на родину российское золото? // Знамя. 1992. № 8. С. 187–213; Он же. Зарубежное золото России. М., 1999; Он же. Зарубежное золото в России и за рубежом. М., 1999; Он же. Золото и недвижимость России за рубежом. М., 2000; Он же. Кто обворовал Россию? М., 2003.

[167] Будницкий О.В. Деньги русской эмиграции: у историографии вопроса // Отечественная история. 2004. № 3. С. 148–159.

[168] Экономическая жизнь (Москва). 1920. 8 сент.; Документы внешней политики СССР. М., 1961. Т. V. С. 309–310; Любимов Н.Н. Взаимный баланс требований… С. 39; Погребец-

средств на счета Российского правительства в 1919 г. был невозможен. Все деньги переводились только на личные счета.

В 1922 г. советская делегация в Генуе обнародовала сведения о том, сколько денег осталось на счетах финансовых агентов и иностранных банков. Из крупных остатков отметим 2 млн ф. ст. в банке Беринга, 15 680 фр. – в Индо-Китайском банке, 8053 фр. – у Н.Н. Юденича и 6275 иен – у генерал-майора Н.П. Подтягина, российского агента по закупкам в Токио, не израсходовавшего суммы, переданные для уплаты по военным заказам. Интересно, что А.И. Погребецкий явно пользовался этими данными, но в отличие от Н.Н. Любимова, их составителя, указывавшего на 60 млн зол. руб., ушедших за границу, харбинский автор определил общую сумму остатков около 100 млн зол. руб. При этом он оговаривается, что это далеко не полный список, так как он не учел множество переводов российским хозяйственным и общественным организациям за рубежом. От себя добавим, что он не учел и переводы денег на личные счета министров.

Однако утверждения, что эти суммы были российским достоянием, разворованным эмигрантами и западными банкирами при попустительстве наших бывших союзников, есть не более чем плод идеологической предвзятости. Исследование О.В. Будницкого свидетельствует, что часть денег была истрачена на финансирование продолжавшейся борьбы с большевиками на юге России. Благодаря остальным средствам долгое время поддерживалось эмигрантское сообщество. Российские дипломаты проявили достаточно рассудительности, отказавшись по возможности платить за уже исполненные, но ставшие бесполезными, зарубежные заказы, предпочтя покрыть себя позором неплатежей, но сохранить деньги для российской эмиграции[169].

Предъявлять претензии иностранным государствам или банкам за эти остатки средств нет никаких оснований. Эксцессов, возникавших на почве расходования этих средств, известно немало. Большинство из них описано в историографии. Но в целом данные средства вполне законно находились на счетах посольств и частных лиц и в основной своей части были израсходованы на поддержание жизнедеятельности эмигрантского сообщества[170]. Сама же проблема взаимных финансовых претензий России и её бывших союзников шире, чем судьба нереализованных остатков от депо-

---

кий А.И. Денежное обращение… С. 12–13. Кстати, большинство современных исследований пребывают в убеждении, что обнародованные советской делегацией в Генуе данные впервые ввел в научный оборот А.И. Погребецкий.

[169] Будницкий О.В. Дипломаты и деньги. С. 457–508; Он же. Деньги русской эмиграции… С. 148–159.

[170] Будницкий О.В. Дипломаты и деньги. Статья первая: «Колчаковское золото» // Диаспора: новые материалы. Париж; СПб., 2002. Вып. IV. С. 457–508; Подалко П.Э. Деятельность российских дипломатов в Японии в 1918—1924 гг. // Россия и АТР. 2000. № 1. С. 67–80.

нированного и проданного Российским правительством золота. Каковы бы ни были эти остатки, неоплаченные военные долги России многократно перекрывают их.

Сведения о широкой финансовой поддержке интервентами контрреволюции верны только в отношении дальневосточных атаманов. Летом 1918 г. японцы взялись финансировать также и атамана Уссурийского казачьего войска И.П. Калмыкова, которому передали 100 тыс. руб. на содержание отряда. В октябре 1918 г. на 5-м чрезвычайном Большом войсковом круге Уссурийского казачьего войска Калмыков отметил, что Франция выделяет на нужды войска 100 тыс. руб. ежемесячно, но Япония всё равно играла доминирующую роль в его финансировании[171].

Часть «золотого запаса» досталась атаману Г.М. Семенову. Он задержал в Забайкалье 2 вагона с золотом, направлявшихся во Владивосток. В 722 ящиках он получил 43 млн зол. руб. Тем не менее большинство историй о расхищении золота, скорее всего, вымысел. Совершенно невероятными представляются сведения И. Латышева, повторенные Ю.Н. Ципкиным, о том, что генерал В.С. Розанов 30 января 1920 г. бежал из Владивостока, похитив 55 млн зол. руб. из владивостокской части «золотого запаса» [172]. И в документах, и в серьезной научной литературе давно подведен баланс «казанского груза» и никаких исчезновений 55 млн руб. в них не обнаруживалось. Любят публицисты обсуждать и вопрос о том, что благосостояние послевоенной Чехословакии базировалось на ценностях, украденных из «золотого эшелона» и послуживших основой крупнейшего в стране Легион-банка, созданного вернувшимися из России легионерами чехословацкого корпуса. При этом указывают на единственную документально подтвержденную пропажу 13 ящиков золота в декабре 1919 г., когда эшелон охраняли чехословаки. Заметим, что это – 760 000 зол. руб., или чуть более 0,01% от всего «золотого запаса»[173].

И уж совсем дилетантскими выглядят рассуждения Г.А. Трукана о том, что директор Кредитной канцелярии Министерства финансов А.А. Никольский не знал истинных масштабов расходования «золотого запаса», так как не мог быть знаком с протоколами заседаний Совета министров Российского правительства[174]. Сам автор приводит случайно выхваченные из этих протоколов сведения о денежных отпусках Российско-

---

[171] Савченко С.Н. Уссурийское казачье войско в гражданской войне на Дальнем Востоке (1917—1922 гг.). Хабаровск, 2002. С. 102, 131.

[172] Латышев И. Как Япония похитила российское золото. М., 1996. С. 41–46; Ципкин Ю.Н. Еще раз о судьбе «белогвардейского» золота // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.). Хабаровск, 1999. С. 97.

[173] См., например: Сироткин В. Зарубежное золото… С. 69–95; Черных Е. Злата Прага русской позолотой // Комсомольская правда. 1998. 22 мая.

[174] Г.А. Трукан, конечно, не подозревает, что именно Александр Александрович Никольский лично руководил доставкой золота во Владивосток и передачей его в иностранные банки.

го правительства за рубеж и на снабжение других центров антибольшевистского движения. Он даже не подозревает, что приводимые им цифры не полны и далеко не все они обеспечивались казанским золотом. К тому же указанные данным автором суммы не покрывают всего золота, сданного на депонент и проданного при непосредственном участии А.А. Никольского. Зато Г.И. Трукан предпочитает доверять стороннему свидетелю событий, бывшему управляющему ведомством иностранных дел Комуча, М.А. Веденяпину, который «на глазок», в тысячах пудов, определил, что Комуч, Директория и А.В. Колчак истратили 56% золота, а большевики вернули только 44% [175].

Важно уяснить, как распорядился «удержанной» частью золота атаман Г.М. Семенов. В литературе до сих пор нет серьезного разбора финансовой деятельности атамана и его служб в 1920 гг. Эта проблема, как правило, сводится к истории о том, как при эвакуации из Забайкалья атаман доверил золото японцам, и они его больше не вернули казакам. Но на хранение японцам атаман сдал только 143 ящика. А между тем мемуарная литература дает основания считать, что значительная часть денег вовсе не была растрачена впустую[176]. Необходимо помнить, что в восточном Забайкалье сосредоточилась армия в 20 тыс. военнослужащих и 45 тыс. чел. на содержании. Примерно половина из них выехала год спустя в Приморье. Атаман расходовал значительные суммы на снабжение воинских частей вооружением и снаряжением, обеспечение жизнедеятельности своего тыла. На оружие были переведены деньги в Японию российскому военному агенту М.П. Подтягину, которые Г.М. Семенов безуспешно пытался вернуть до 1925 г. Но и М.П. Подтягин не присвоил себе эти средства, а израсходовал на содержание посольства и российских беженцев, причем с одобрения других российских послов[177].

Итак, для финансовой политики антибольшевистских правительств важнейшей проблемой на протяжении всего их существования являлось обеспечение выпуска в обращение новых денежных знаков. Опасность бесконтрольной эмиссии прекрасно понимали не только профессиональные финансисты, которых оказалось немало у руководства «белым» движением, но и большинство политических лидеров востока России. На фоне этой позиции становится почти очевидным, что на стадии интенсивной инфляции остановить её очень сложно. Сделать это, продолжая вести войну, совершенно невозможно. Всерьез эту проблему пыталось решить только одно правительство – Российское. Но в период Временного Си-

---

[175] Трукан Г.А. Антибольшевистские правительства России. М., 2000. С. 96–97.

[176] Енборисов Г.В. От Урала до Харбина: памятка о пережитом. Харбин, 1932. С. 175–177.

[177] Аблажей Н.Н. Сибирское областничество в эмиграции. Новосибирск, 2003. С. 102–108; Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005. С. 217; Шишкин С.Н. Гражданская война на Дальнем Востоке. 1918—1922 гг. М., 1957. С. 136, 167, 189.

бирского правительства сибирские деньги быстро завоёвывали рыночное пространство. Следовательно, сама легитимность, даже если она вытекает из фактического обладания силой и обещает большую стабильность по сравнению с конкурентами, уже является некоторым обеспечением выпускаемых денег. Но долго деньги держаться на таком, чисто политическом, обеспечении не могут.

У государственной власти на Востоке России было только два источника обеспечения своей денежной системы – запас драгоценных металлов или сырьё, но не само по себе, а вывозимое за рубеж. Расставание с комплексом «великой державы» слишком затянулось. Осознание того, что могущество России осталось в прошлом и никакого политического капитала у родины уже не существует, было трудным. Оно стало доминировать уже тогда, когда распад денежной системы, созданной Временным Сибирским и Российским правительствами, стал необратим.

Выпуск военных займов в последние годы существования царского режима следует отнести к мерам, сдерживавшим инфляцию. Это был способ добровольного перераспределения средств частных держателей денег в пользу государства, который не менял объём денежной массы. В полную противоположность этому широко распространившаяся в антибольшевистский период практика выпуска в обращение государственных ценных бумаг, как принадлежавших частным держателям, так и оставшихся в банках нераспределенными, фактически сводила на нет антиинфляционные усилия предшествовавших лет. Эту меру следует оценить как наполнение денежного рынка ничем не обеспеченными денежными знаками суррогатного типа. До Февральской революции внутренние займы на 25% покрыли военные расходы государства[178]. В годы гражданской войны они только сглаживали дефицит разменной наличности и лишь отчасти восполняли дефицит государственного бюджета.

[178] Страхов В.В. Внутренние государственные займы царской России периода Первой мировой войны. Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2000.